

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

На годъ 8 р.
 » 9 мѣсяцевъ 6 »
 » 6 » 5 »
 » 3 » 3 »

за Границею

На годъ 10 »

Съ приложеніями:

Въ Россіи на годъ 10 »

За границей на годъ 14 »

Отдѣльн. номера по 20 к.

Объявленія печатаются по 15 к.

за строку на послѣдней страницѣ

и по 30 коп. на первой.

За перемѣну адреса: иногор. на

гор. 20 к., гор. на иногор. 50 к.

Статьи и требованія адресуются въ ред.
 Сиб. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.
 Кавалергардская ул., д. 20, кв. 6, а
 также въ книг. маг., Вол-
 фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
 Въ Томскѣ—въ книжномъ
 магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
 Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
 газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Чиновничьи привилегіи въ Сибири.—Еще о Сибирскомъ университетѣ.—Хроника.—Письмо въ редакцію. *И. М. Сибирякова.*—
 Научныя новости.—Корреспонденція: изъ Березова, Томска, Вѣрнаго и Екатеринбургa.—Русскія поселенія въ Якутской области. *III.*—Взгляды
 покойникъ. (Разсказъ). *Карныч.*—Хроника жизни за недѣлю. — Объявленіе.

При этомъ № 1-я книга приложенія разсылается город-
 скимъ поддочникамъ; иногороднимъ же будетъ разслана
 при № 21 газеты.

ЧИНОВНИЧЬИ ПРИВИЛЕГІИ ВЪ СИБИРИ.

Въ послѣднее время въ правительственныхъ сферахъ былъ
 поднятъ вопросъ о чиновничьихъ привилегіяхъ,—вопросъ,
 близко касающійся и нашихъ восточныхъ далекихъ окраинъ,
 такъ какъ Сибирь и Туркестанскій край входятъ въ число
 такъ называемыхъ привилегированныхъ мѣстностей. [При-
 вилегіи сибирской службы—отжившее наслѣдіе прошлаго.]
 Онѣ возникли въ то отдаленное время, когда гражданское
 управленіе Сибири еще только устраивалось, и рѣдкое ея
 населеніе, состоявшее изъ покоренныхъ инородцевъ, неболь-
 шого числа казаковъ-побѣдителей и вольныхъ, а затѣмъ
 вскорѣ и невольныхъ переселенцевъ, не могло выдѣлать изъ
 своей среды пригодныхъ для правительственной службы лицъ;
 притомъ въ глазахъ правительства элементъ первыхъ пионе-
 ровъ не вселялъ довѣрія, а между тѣмъ необходимо было
 имѣть своихъ агентовъ въ покоренной землѣ, т. е. нужны
 были люди, облеченные чиновничьей властью, и правитель-
 ство, чтобы имѣть этотъ классъ и привлекать въ него людей
 изъ самой Россіи, создало чиновничьи привилегіи.

Обращаясь къ исторіи законодательныхъ актовъ по
 этому вопросу, надо замѣтить, что самое раннее Высочай-
 шее повелѣніе, цитированное въ сводахъ 1832, 1842 и
 1857 гг., относится къ 5-му сентября 1765 года, хотя
 заботы правительства о служащихъ въ Сибири, какъ
 мы выше замѣтили, относятся къ далеко болѣе раннему
 времени, и даже въ полномъ собраніи законовъ, начиная
 съ 1676 года, т. е. со времени царя Оедора Алексѣе-
 вича, есть нѣсколько Высочайшихъ актовъ по этому пред-
 мету. Оставляя въ сторонѣ историческое теченіе этихъ при-
 вилегій, безъ сомнѣнія, игравшихъ громадную роль въ но-
 вомъ краю, мы разсмотримъ въ настоящей статьѣ только
 современное отношеніе ихъ къ дѣйствительной жизни Си-
 бири и ея гражданскому управленію. [Уже давно извѣстно,
 что нигдѣ и ни о чемъ не циркулируетъ такихъ разнорѣчи-
 выхъ понятій, какъ о сибирской жизни. Большинство о ней
 такого же мнѣнія, какое составилось столѣтіе тому назадъ,
 какъ о странѣ всевозможныхъ лишеній. Никто не обращаетъ
 вниманія, какъ время быстро измѣняло фізіономію Сибири,

какъ быстро улучшались экономическія и общественныя
 условія обширнаго края. Населенныя мѣстности, входящія
 въ составъ Западной и Восточной Сибири, за исключеніемъ
 Якутской области и сѣверныхъ округовъ, представляютъ уже
 культурную полосу, которую, по условіямъ жизни, едва ли
 возможно отличить отъ губерній пріуральскихъ. Необхо-
 димо только выдѣлать въ особую группу области Приа-
 мурскаго края, какъ край новаго и гдѣ экономическая
 и общественная жизнь еще не вполне сформировалась.
 Съ постепеннымъ устройствомъ края улучшались пути со-
 общенія, возникали учебныя заведенія, долженъ былъ от-
 крыться въ настоящемъ году университетъ; пришлое и уже
 нынѣ коренное населеніе дало достаточный контингентъ
 служащихъ въ разныхъ административныхъ учрежденіяхъ,
 что можно заключить по статистическимъ даннымъ о слу-
 жащихъ изъ мѣстныхъ урожденцевъ, но прежнія правила о
 привилегіяхъ, сдѣлавшихся въ данное время пользышимъ
 анахронизмомъ, продолжали существовать, искусственно при-
 влекая чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній, безъ всякаго
 соображенія съ мѣстными условіями и потребностями и часто
 въ прямой вредъ для мѣстныхъ урожденцевъ. „Очевидно,—го-
 воритъ одинъ администраторъ, хорошо знающій край,—что
 стремленіе въ привилегированный край, за немногими ис-
 ключеніями, обуславливалось не пользою службы, а было дѣ-
 ломъ денежнаго разчета, подогрѣтаго сказочными представ-
 леніями о Сибири, какъ о „золотомъ днѣ“. Поэтому уже
 одни путевыя пособія притягивали въ отдаленныя мѣстности
 немало людей, запутавшихся, пускавшихся въ даль лишь
 ради поправленія разстроенныхъ дѣлъ, нерѣдко поглощав-
 ныхъ казенныя пособія такъ, что эти будущіе дѣятели, не
 добъзжая до мѣста своего назначенія, осаждали въ полупутныхъ
 городахъ мѣстныя начальства ходатайствами о вспомождество-
 ваніяхъ на продолженіе пути. Несомнѣнно, что подобные
 элементы не могутъ считаться полезными въ Сибири, гдѣ и
 безъ того великъ контингентъ искателей приключеній, и что
 нѣтъ основанія, цѣною немалыхъ денежныхъ тратъ, пере-
 селять туда людей, стоящихъ такъ невысоко въ правствен-
 номъ отношеніи“.

[На сибирскую прессу обращались неоднократно нарека-
 нія за тенденціозное порицаніе пріѣзжаго чиновничества,
 получившаго въ Сибири названіе „навознаго“, „гамадриловъ“,
 но эти нареканія, по большей части, исходили или отъ самихъ
 пріѣзжихъ, или соприсныхъ имъ, и весьма понятно, какимъ
 они отличались безпристрастіемъ. Въ подтвержденіе на-

сихъ словъ, мы позволимъ еще привести отрывокъ изъ статьи „Церковнообщественнаго Вѣстника“ (№ 128 за 1883 годъ), пре-
красно характеризующей этихъ дѣятелей:

„Что такое русскій чиновникъ, отправляющійся на службу въ Сибирь и какъ онъ смотритъ на предстоящее ему поле дѣятельности? Во-первыхъ, онъ считаетъ себя жертвою обстоятельства, вынудившихъ его принять извѣстную должность, субъектомъ, отправляющимся чуть не въ ссылку, за неимѣніемъ ничего лучшаго подъ руками. Во-вторыхъ, еще не выѣхавъ изъ Петербурга, онъ уже разсчитываетъ при первой возможности вернуться въ Россію, отрясти отъ ногъ своихъ прахъ этой страны льда, каторги и нравственнаго ничтожества. Maximum своего пребывания въ Сибири онъ полагаетъ казенные три года. Можно ли ожидать, что лицо, отправляющееся на службу съ такими воззрѣніями, всецѣло посвятитъ себя дѣятельности на пользу молодого края, требующаго не только энергіи и знаній, но и души и сердца? Конечно, нѣтъ. Данный субъектъ не стумѣетъ и не захочетъ ориентироваться въ мѣстности, куда его забросила судьба; онъ чувствуетъ себя чужакомъ въ новой средѣ, смотритъ на нее свысока и относится съ пренебреженіемъ, если не съ презрѣніемъ. Обязанности, принятія на себя, онъ исполняетъ съ полнымъ равнодушіемъ, лишь бы ихъ сбыть съ рукъ долой, лишь бы начальство не находило запущенности въ дѣлахъ. Онъ не помышляетъ о результатѣ своихъ трудовъ, онъ временный гость, стремящійся вырваться изъ данныхъ условій, и дѣйствительно при первой возможности оставляетъ страну. Существуетъ и другая категория русскихъ чиновниковъ на службѣ въ Сибири. Но объ этой категоріи не стоитъ и говорить, она слишкомъ хорошо извѣстна. Лица, принадлежащія къ ней, ѣдутъ въ Сибирь съ цѣлью наживы. Эти не ограничиваютъ числа лѣтъ своего пребывания въ „варварской странѣ“, оно зависитъ отъ успѣха въ выполненіи ихъ замысловъ. Иногда они увлекутся и посвящаютъ дѣятельности въ пользу своего кармана десятки лѣтъ. И ужъ, конечно, чѣмъ долѣе они остаются въ край, тѣмъ хуже для него, тѣмъ глубже посѣются сѣмена нравственнаго уродства и развращенія. Итакъ, мы видимъ, что чиновники первой категоріи бесполезны для края, чиновники второй категоріи вредны. Въ этомъ мы имѣли возможность убѣдиться втеченіе столѣтій. Триста лѣтъ не подвинули Сибирь ни на югу, благодаря подневольнымъ и своекорыстнымъ дѣятелямъ на ея почвѣ. Не такъ смотрятъ сибиряки на свою родину, какъ смотрятъ на нее временные пришельцы“.

Къ этимъ вполне справедливымъ словамъ почтенной редакціи необходимо добавить, что сибиряки, даже окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не пользуются привилегіями, что свидѣтельствуетъ о крайней несправедливости существующихъ правилъ. Правительство, видимо сознавая это, рѣшило пересмотрѣть вновь вопросъ о привилегіяхъ, обратившись для этого къ лицамъ, ранѣе служившимъ и вообще знающимъ окраины. На сколько намъ извѣстно, учрежденная при участіи этихъ лицъ комиссія окончила свои труды, и вопросъ уже переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и имѣетъ быть въ непродолжительномъ времени разрѣшенъ. Большинство высказалось за сохраненіе привилегій, но съ условіемъ предоставленія ихъ равно и урожденцамъ Сибири, получившимъ образованіе внутри Россіи; рѣшено также принять во вниманіе разнообразныя экономическо-общественныя условія обширнаго края и не опредѣлять одного и того же размѣра привилегій для Камчатки и Иркутска, для Туруханска и Красноярска, для Обдорска и Томска и т. п.

Мы можемъ отмѣтить, что нѣсколько вполне компетентныхъ лицъ, не придавая особаго значенія привилегіямъ въ настоящемъ ихъ видѣ, указывали на двѣ нужды служащаго въ Сибири чиновничества, удовлетворивъ которыя правительство сдѣлало бы больше, чѣмъ щедрая раздача двойныхъ прогоновъ, невзачетъ годовыхъ окладовъ, производство въ слѣдующій чинъ и т. п.,—это, во-первыхъ, необходимость увеличенія окладовъ жалованья, по истинѣ мизерныхъ на

многихъ должностяхъ, а, во-вторыхъ, облегченіе по возможности воспитанія и образованія дѣтей, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще нѣтъ учебныхъ заведеній.

Мы готовы подписаться подъ этими заявленіями и констатировать полную ихъ справедливость. Нигдѣ нѣтъ такихъ устарѣлыхъ штатовъ, нигдѣ нѣтъ такого ненормальнаго вознагражденія коронныхъ служащихъ, какъ въ Сибири. Это служить, безспорно, одною изъ важныхъ причинъ къ существованію на отвѣтственныхъ должностяхъ людей плохой нравственности и малоспособныхъ, а также къ столь извѣстному процвѣтанію взяточничества. Открыть эту язву на здоровомъ тѣлѣ сибирской жизни, принять радикальныя мѣры къ излѣченію ея—вотъ на чемъ сосредоточены пожеланія лучшей части сибирскаго общества. Едва ли что могутъ тутъ сдѣлать какія либо двухъ-прогонныя привилегіи, онѣ всегда служили и будутъ служить къ увеличенію этого зла. Для того, чтобы создать въ Сибири хорошее чиновничество, нужна хорошая школа, а въ этомъ отношеніи правительство шло медленно на помощь, и населеніе принуждено было создавать само школы и давать большую поддержку изъ своихъ скудныхъ средствъ. Мы не знаемъ, какой окончательный результатъ явится при рѣшеніи этого вопроса, т. е. будутъ ли, или нѣтъ, продолжать свое существованіе чиновничьи привилегіи, но позволимъ себѣ искренно пожелать, чтобы Сибирь была исключена изъ числа „привилегированныхъ“ странъ, а взамѣнъ этого для улучшенія жизни правящаго класса въ экономическомъ отношеніи признаны бы были необходимыми пересмотръ штатовъ и увеличеніе содержанія, а для улучшенія въ нравственномъ и умственномъ отношеніи—поднятіе народнаго образованія на надлежащую высоту и немедленное открытіе Сибирскаго университета.

ЕЩЕ О СИБИРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Сообщивъ Сибири печальную вѣсть о томъ, что предполагаемое открытіе университета въ Томскѣ въ настоящемъ году не состоится, и констатировавъ въ особой статьѣ тотъ фактъ, что это неожиданное извѣстіе идетъ въ полныйразрѣзъ съ ранѣе извѣстнымъ мнѣніемъ правительства, мы не могли найти причинъ, не пояснили намъ ихъ и другіе органы печати, считая въ томъ числѣ „Правительственный Вѣстникъ“, сдѣлавшій только опроверженіе невѣрныхъ слуховъ, но не указавшій самъ, какіе именно изъ нихъ вѣрны. Только одинъ фактъ на лицо—университетъ въ этомъ году не откроется, и когда онъ откроется—неизвѣстно; царитъ какое-то зловѣщее молчаніе, какъ предвѣстникъ недобраго. Нѣтъ ничего положительнаго, каждый знакомый съ сибирско-университетскимъ вопросомъ не можетъ уразумѣть причинъ, и всѣ догадки вращаются въ предѣлахъ слуховъ. Много ихъ ходитъ, и болѣе распространенный слухъ указываетъ, какъ на тормазъ, на вліяніе извѣстной пресловутой корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“, но мы боимся этому вѣрить: было бы горько и печально думать, что доносъ какихъ-то темныхъ, безнравственныхъ людей могъ лишитъ сибирское населеніе хотя на нѣкоторое время того учрежденія, которое оно ждало съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, которому оно несло свои обильныя жертвы.

Надняхъ „Русскія Вѣдомости“ посвятили этому вопросу передовую статью, въ которой, перебирая всѣ слухи и недоумѣвая о дѣйствительныхъ причинахъ, говорятъ: „Университетъ, какъ высшее общеобразовательное учрежденіе, какъ центръ науки и просвѣщенія, есть необходимость, а не прихоть, служить ко благу и пользѣ, а не ко вреду страны и общества; поэтому задержка въ открытіи такого учрежденія, если она не вызывается непреодолимыми препятствіями, можетъ служить только поводомъ къ распространенію невѣрныхъ слуховъ объ излишнихъ опасеніяхъ или о недостаткѣ энергіи и инициативы въ завѣдующемъ дѣломъ образованія вѣдомствъ. Молодыхъ ученыхъ, способныхъ дать первый контингентъ преподавателей для новаго университета, у насъ, по всѣмъ признакамъ, хватить; нужный контингентъ слушателей, для двухъ факультетовъ, несомнѣнно, найдется также, особенно если на первое время будутъ еще предоставлены нѣкоторыя льготы поступающимъ, и вообще,

при желаніи и стараніи, не предстоитъ особой трудности достигнуть того, чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ отдаленной странѣ ссылки, всякаго лихонимства и наживы, оказалася въ полной дѣятельности учено-образовательный институтъ—съ десятками учащихся, съ сотнями учащихся, съ научными кабинетами, можетъ быть, и съ учрежденными при немъ учеными Обществами, публичными чтеніями и т. д.,—институтъ, проводящій солидные знанія, благородные идеалы, честныя стремленія къ плодотворному труду на пользу родины“.

Къ числу лицъ, не нашихъ оправданія роковаго извѣстія, можно причислить близко знакомаго съ вопросомъ о народномъ образованіи Сибири, почтеннаго А. И. Ефимова, помѣстившаго на дняхъ въ „Новостяхъ“ весьма обстоятельную статью, посвященную Сибирскому университету. Хотя въ этой статьѣ заключается много данныхъ, уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ, но въ виду нѣкоторыхъ новыхъ, мы считаемъ необходимымъ познакомить съ нею и приводимъ ее дословно, сдѣлавъ только нѣкоторыя замѣтки въ своихъ редакціонныхъ примѣчаніяхъ.

„Вопросъ объ устройствѣ Сибирскаго университета въ Томскѣ, рѣшенный утвердительно уже около десяти лѣтъ тому назадъ и съ закладки университетскихъ зданій въ 1880 году перешедшій уже въ область дѣйствительности, по слухамъ, вновь становится открытымъ. Не зная ближайшихъ причинъ, которыми объясняется послѣднее обстоятельство, тѣмъ болѣе странное, что зданія предполагаемаго университета уже отстроены, и съ прошлаго года въ Томскѣ открытъ новый учебный округъ, мы считаемъ, однако, нелишнимъ разсмотрѣть вкратцѣ тѣ мнѣнія по этому предмету, какія приходилось за послѣдніе годы встрѣчать иногда какъ въ печати, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ.

Мнѣнія эти могутъ быть сведены къ двумъ слѣдующимъ взглядамъ: по одному—университетъ не соответствуетъ Сибири по самому своему существу, какъ школа, по преимуществу, чистой науки. Сибирь нуждается въ прикладныхъ знаніяхъ, въ техникахъ, необходимыхъ для разработкѣ ея естественныхъ богатствъ, для развитія ея слабой промышленности, вслѣдствіе чего тамъ была бы болѣе уместна какая нибудь высшая техническая школа; другіе утверждаютъ, что если университетъ и возможенъ вообще въ Сибири, то въ настоящее время преждевремененъ, какъ и всякая другая высшая школа, такъ какъ Сибирь даетъ слишкомъ мало академической молодежи, большинство которой составляютъ даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, дѣти временно пріѣзжихъ на службу чиновниковъ, естественно тяготящихся къ университетамъ Европейской Россіи; основанію университета должно, поэтому, предшествовать увеличеніе числа гимназій и среднихъ школъ и большее развитіе начального образованія путемъ народныхъ школъ и низшихъ ремесленныхъ и техническихъ училищъ.

„Сибирь—край далекой и малоизвѣстной; свѣдѣнія о ней, какія ищутся въ обращеніи и служатъ для составленія тѣхъ или другихъ сужденій, ищють характеръ отрывочный и не всегда достовѣрный; весьма естественно, поэтому, что человѣку, знакомому съ Сибирью по живымъ, непосредственнымъ впечатлѣніямъ, многое въ этихъ сужденіяхъ покажется апіорнымъ, основаннымъ на недоразумѣніи или ошибочномъ представленіи. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Никто не станетъ отрицать ни необходимости прикладныхъ знаній для сибирскаго населенія, ни слабаго пока развитія мѣстной обрабатывающей промышленности, но объяснять это послѣднее обстоятельство придется не недостаткомъ въ Сибири техникумовъ, которыхъ сколько нибудь крупныя предпріятія всегда умѣли доставать, а другими болѣе общими и медленно устранимыми причинами: географическимъ положеніемъ Сибири, затруднительностью и дороговизной ея внѣшнихъ и внутреннихъ сообщеній, наконецъ, незначительнымъ, въ сравненіи съ размѣрами территоріи, населеніемъ. Никакая высшая техническая школа не вызоветъ того, что сдѣлаютъ современнымъ развитіе желѣзнодорожныхъ и водныхъ сообщеній, постоянный притокъ земледѣльческаго и промышленнаго населенія и оживленіе торговыхъ сношеній Сибири съ остальнымъ міромъ. Немного можетъ сдѣлать высшая техническая школа и для распространенія прикладныхъ знаній

въ массѣ населенія; этого можно ожидать скорѣе отъ низшихъ ремесленныхъ и техническихъ училищъ, которые уже и теперь начинаютъ устраиваться въ Сибири; укажемъ для примѣра на ремесленные училища въ Томскѣ и Красноярскѣ, 4-хъ-классное техническое училище въ Омскѣ, школу при парходостроительномъ заводѣ г. Игнатова въ Тюмени. Немало пользы могло бы въ этомъ отношеніи принести и устройство небольшихъ собраній общедоступныхъ книгъ по сельскому хозяйству, ремесламъ и промысламъ, чертежей и т. п. въ деревняхъ при сельскихъ школахъ, въ городахъ при ремесленныхъ управахъ или народныхъ читальняхъ (подобная читальня недавно открыта въ Томскѣ). Всѣ такія школы и библіотеки устраиваются, обыкновенно, на мѣстныя общественныя средства, и основаніе университета отнюдь не задержало бы ихъ развитія, а могло бы даже способствовать ему. Наконецъ, основаніе, вмѣсто университета, технической школы врядъ ли оказало бы существенную помощь сибирской промышленности, несомнѣнно ограничило бы значительно сферу той дѣятельности, которая могла бы предостоять высшей школѣ въ Сибири, какъ въ дѣлѣ научнаго образованія, такъ и въ дѣлѣ всесторонняго изслѣдованія края въ отношеніяхъ физическомъ, экономическомъ и культурномъ. По разнообразію составляющихъ его наукъ, университетъ болѣе всякой другой школы съ спеціально-техническими задачами могъ бы, съ одной стороны, удовлетворить разнообразнымъ образовательнымъ потребностямъ сибирскаго юношества, а съ другой, вести постоянно и систематически вышеупомянутое изслѣдованіе, которое иначе осталось бы, какъ и прежде, на рукахъ болѣе или менѣе случайныхъ и рѣдкихъ ученыхъ экспедицій.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ дѣла, къ вопросу о слушателяхъ. Съ представленіемъ объ университетѣ непременно связывается представленіе о многолюдствѣ, какое, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто въ крупнѣйшихъ университетахъ нашихъ и заграничныхъ, гдѣ число студентовъ насчитывается тысячами; но, вѣдь, вмѣстѣ съ этими наиболѣе посѣщаемыми университетами существуютъ съ пользою и другіе, съ числомъ слушателей въ пять и даже десять разъ меньшимъ. Такъ, въ 1882—1883 году въ корнелевскомъ университетѣ (Соед. Штаты) слушателей было только 400 человѣкъ; за зимній семестръ 1884—1885 года въ небольшихъ германскихъ и швейцарскихъ университетахъ¹⁾ было: въ кильскомъ 445, бернскомъ 426, базельскомъ 345, мюнстерскомъ 340, ростокскомъ 250 слушателей. Конечно, и по бюджету и по числу профессоровъ, и по научнымъ средствамъ университеты эти уступаютъ университетамъ первокласснымъ; но это не мѣшаетъ быть и тамъ весьма почтеннымъ научнымъ силамъ, а отсутствіе чрезмѣрнаго многолюдства даже благоприятствуетъ болѣе близкому вліянію профессоровъ на научныя занятія студентовъ. Мы полагаемъ, поэтому, что если бы небольшому провинціальному университету, каковымъ и будетъ сибирскій, можно было по истеченіи первыхъ четырехъ лѣтъ разсчитывать на 250—300 слушателей, то для существованія его это представляло бы уже достаточное основаніе. Посмотримъ чѣмъ можетъ онъ располагать. Въ Сибири 5 гимназій (въ Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ), 4 прогимназій²⁾ (въ Енисейскѣ, Вѣрномъ, Якутскѣ и Читѣ), изъ которыхъ двѣ (енисейская и якутская) могли бы въ скоромъ времени быть обращены въ гимназій, 4 духовныхъ семинаріи, воспитанникамъ которыхъ предполагалось, по слухамъ, открыть доступъ въ университетъ (въ Тобольскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ и Благовѣщенскѣ), наконецъ, 4 реальныхъ училища (въ Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ³⁾ и Троицкосавскѣ). Пять, а въ близкомъ будущемъ, можетъ быть, и семь гимназій и четыре духовныхъ семинаріи могли бы по весьма скромному разсчету дать университету ежегодно 50—60 слушателей, и до извѣстной степени отъ стараній и заботъ этихъ учебныхъ заведеній зависѣло бы нѣсколько усилить это число; при этомъ мы не принимаемъ еще въ разсчетъ ни сосѣднихъ съ Сибирью среднихъ учебныхъ заведеній Туркестана, Оренбургской и Пермской губерній, ни возможныхъ вольнослушателей. Вѣдь, и въ настоящее время число сибиряковъ, учащихся въ Петербургѣ, Москвѣ и Ка-

¹⁾ Deutscher Universitätskalender v. Dr. Ascherson.

²⁾ Къ этому необходимо прибавить еще пропущенныя прогимназій въ Благовѣщенскѣ, Владивостокѣ и замѣтить, что въ Читѣ не прогимназія, а гимназія, хотя, какъ недавно открытая, имѣетъ еще только три класса.

Ред.

³⁾ Техническое училище съ правами среднихъ учебныхъ заведеній. Авт.

зани достигаетъ 200 человѣкъ; а немало наберется и такихъ, которымъ недостатокъ средствъ помѣшало продолжать образованіе, которое въ Сибирскомъ университетѣ было бы для нихъ доступно. Было бы совершенно ошибочно думать, что большинство учениковъ сибирскихъ гимназій состоитъ изъ сыновей лицъ, только временно живущихъ въ Сибири; простая справка въ любой сибирской гимназій показала бы, напротивъ, что большинство ихъ—дѣти мѣстныхъ жителей, а если и прїѣзжихъ, то въ значительной степени такихъ, которые прочно осѣли въ Сибири и могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что Сибирь вблизи вовсе не то страшное, какимъ представляется вдали, по слухамъ. Такимъ образомъ, вполне вѣроятно, что черезъ четыре года контингентъ университетскихъ слушателей достигъ бы той цифры, которая была упомянута выше и которую врядъ ли превышало число студентовъ Новороссійскаго или Казанскаго университета въ началѣ ихъ существованія; лекціи же С.-Петербургскаго университета открылись при наличности лишь 90 слушателей ¹⁾ и 20 профессоровъ. Мало еще въ Сибири и народныхъ училищъ; но и теперь это дѣло поставлено уже прочно, и грамотность дѣлаетъ успѣхи; такъ, напримѣръ, число сельскихъ училищъ Томской губерніи достигаетъ 140; не менѣе того, вѣроятно, и въ тобольской; въ нѣкоторыхъ городахъ начальное обученіе поставлено городскими обществами тоже довольно удовлетворительно, а въ Томскѣ и Тюмени существуютъ, сверхъ того, особые общества попеченія о немъ съ хорошими средствами ²⁾. Есть потребности въ государственной жизни, которыя приходится удовлетворять не по очереди, а одновременно: пусть множатся народныя школы и гимназій, но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ и университеты; не помѣшало же въ прошломъ столѣтіи почти полное отсутствіе среднихъ и низшихъ школъ основанію академіи наукъ и Московскаго университета; а цѣли, лежація передъ новымъ университетомъ въ Сибири, нѣсколько напоминаютъ тѣ, какія предстояли въ болѣе обширномъ, конечно, районѣ, этимъ первымъ разсадникамъ русской науки. Университетъ найдетъ въ Сибири цѣлый рядъ разнообразныхъ задачъ для изслѣдованія и изученія, извѣстный кругъ уже и теперь подготовленныхъ слушателей и, прямо или косвенно, будетъ полезенъ и всему остальному народному просвѣщенію края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣстнымъ условіямъ, онъ могъ бы, продолжая быть и называться университетомъ, стать и проводникомъ необходимыхъ прикладныхъ знаній, которыя могло бы почерпнуть въ немъ не только юношество среднихъ учебныхъ заведеній, но и всякій человѣкъ, желающій получить полезныя свѣдѣнія.

„Идеѣ университета подобное направленіе нисколько не противорѣчить, и сосѣдство въ одной и той же школѣ науки чистой и прикладной есть дѣло, вполне возможное. Въ примѣръ этого можно привести упомянутый уже корнелевскій университетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которомъ, на ряду съ науками политическими и юридическими, филологіей и математикой, преподается сельское хозяйство, горное и инженерное искусство и, вмѣстѣ съ обычными университетскими лабораторіями, существуетъ собственная ферма и механическія мастерскія. Со стороны нашего университетскаго устава этому тоже не встрѣчается препятствій, по существу; такъ какъ въ списокъ наукъ, которыя могутъ преподаваться на физико-математическихъ факультетахъ, мы найдемъ и сельское хозяйство, и практическую механику, и технологию. Такимъ образомъ, при этомъ факультетѣ, въ видѣ его отдѣльныхъ специальностей, могли бы въ Сибирскомъ университетѣ быть открыты или постепенно открываемы различныя прикладныя курсы. Прежде всего, сельское хозяйство, которое нуждается въ Сибири во многихъ улучшеніяхъ, создаваемыхъ уже отчасти и самимъ населеніемъ. Не встрѣтилъ бы, вѣроятно, препятствій со стороны министерства государственныхъ имуществъ и отводъ участка земли для агрономическихъ опытовъ и образцоваго хозяйства, и даже устройство нѣсколькихъ подобныхъ станцій въ округахъ Курганскомъ, Війскомъ, Барнаульскомъ, Минусинскомъ и Балаганскомъ, находящихся подъ руководствомъ и наблюденіемъ сельско-хозяйственнаго отдѣла въ университетѣ. Горная промыш-

ленность также могла бы готовить при университетѣ необходимыхъ для себя работниковъ: занимаясь зимою химіей, минералогіей и геологіей, учащіеся могли бы быть посылаемы лѣтомъ въ практическія экскурсіи на заводы Алтайскаго горнаго округа или золотые прииски Томской и сосѣднихъ губерній. Технологиѣ наиболѣе важныхъ въ сибирской промышленности продуктовъ на столько тѣсно связана съ химіей, что введеніе нѣкоторыхъ ея отдѣловъ означало бы лишь расширеніе и безъ того нужныхъ химическихъ лабораторій. При включеніи подобныхъ задачъ въ кругъ университетской дѣятельности и при сравнительно небольшомъ числѣ слушателей, не было бы, полагаемъ, основаній преграждать доступъ на физико-математическій факультетъ ученикамъ сибирскихъ реальныхъ училищъ, на что сильно надѣялись въ Сибири въ эпоху основанія университета, точно такъ же, какъ слѣдовало бы поощрять и облегчить и доступъ вольно-слушателей, особенно на упомянутыя практическія курсы, не исключая безусловно изъ ихъ числа людей и безъ установленнаго образовательнаго ценза. Можетъ быть, образовавшіеся при университетѣ техники не будутъ такими энциклопедистами въ своемъ дѣлѣ, какъ техники специальныхъ школъ, но они могутъ быть, во всякомъ случаѣ, дѣльными работниками, знающими состояніе и запросы промышленности края, способными работать въ тѣхъ рамкахъ, какія она представляетъ, и на дѣлѣ искать различныхъ въ ней улучшеній и усовершенствованій.

„Можно возразить на это, что подобная постановка дѣла потребуетъ сразу большихъ затратъ и хлопотъ въ безъ того уже сложномъ и большомъ дѣлѣ устройства университета по общему образцу. Но вѣдь и пѣтъ надобности устраивать все сразу и на широкую ногу: различныя специальности, о которыхъ было говорено выше, могли бы быть открываемы постепенно и вылиться въ законченную форму со временемъ, по мѣрѣ выясненія размѣровъ и свойствъ потребностей края и такъ, какъ позволятъ средства. Нѣкоторые лишніе расходы при этомъ будутъ, во всякомъ случаѣ, расходами производительными и тѣмъ болѣе возможными, что университетъ будетъ, по слухамъ, открытъ сначала только въ составѣ двухъ факультетовъ. Важно только, чтобы съ самаго начала была признана возможность извѣстнаго приспособленія университета къ мѣстнымъ условіямъ и чтобы новый университетъ съ первыхъ шаговъ запечатлѣлъ свою дѣятельность желаніемъ, наравнѣ съ различными научными изслѣдованіями и работами, помочь, на сколько возможно, нуждамъ сибирской промышленности и народнаго хозяйства. Тогда можно будетъ надѣяться, что и частныя средства не откажутся прійти на помощь университету для расширенія его лабораторій и мастерскихъ, какъ они уже приняли и ранѣе крупное участіе въ самомъ дѣлѣ его основанія, и что въ такомъ университетѣ Сибирь получитъ одновременно и высшую научную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикладную школу, какими надолго можетъ удовлетвориться“.

ХРОНИКА.

Состоялось правительственное распоряженіе о бесплатномъ отпускѣ населенію сибирскаго казачьяго войска медикаментовъ и аптечныхъ припасовъ изъ аптечныхъ магазиновъ военнаго вѣдомства.

Нынѣшнимъ лѣтомъ предстоитъ производство окончательныхъ изысканій, на участкѣ Уфа—Златоустъ, будущей сибирской желѣзной дороги. Для производства этихъ изысканій командированы министерствомъ путей сообщенія, въ распоряженіе начальника работъ по постройкѣ самаро-уфимской желѣзной дороги, причисленные къ министерству инженеры: коллежскій ассесоръ Бруиъ, титулярный совѣтникъ Машинъ и коллежскій секретарь Долоцкий.

Въ прошломъ № мы сообщали объ изслѣдованіи быта сибирскихъ крестьянъ, предпринимаемомъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, чрезъ командировку особыхъ чиновниковъ, и выразили нашу радость, что за это дѣло возьмутся урожденцы Сибири, кончившіе университетскій курсъ въ настоящемъ году.

¹⁾ Исторія С.-Петербургскаго университета. Профессора В. Григорьева.

²⁾ Подобныя общества есть въ Барнауль, Енисейскѣ, Красноярскѣ и открываются еще въ другихъ городахъ и даже волостяхъ (Кетской).
Ред.

Къ сожалѣнію, къ прошлому извѣстію приходится добавить, что изслѣдованіе будетъ, но сибиряки, не смотря на рекомендацію ректора университета, не удостоились получить этихъ назначеній. Нашлись другіе кандидаты. Едва ли послѣ этого справедливы будутъ упреки, что образованные сибиряки не желаютъ возвращаться и трудиться на родинѣ.

На сколько темны и разнорѣчивы разные слухи и толки по вопросу о Сибирскомъ университетѣ, могутъ подтвердить приводимыя ниже слова «Современныхъ Извѣстій», видимо къ-то сочиненныя на досугъ: «Льготный университетъ. Какъ мы слышали, — говоритъ упомянутая газета, — воспитанникамъ старшихъ классовъ нѣкоторыхъ московскихъ гимназій и прогимназій объявлено, что выдержавшіе переходный экзаменъ въ 7 классъ могутъ поступить безъ предварительныхъ испытаній въ Томскій университетъ, открытіе котораго послѣдуетъ въ сентябрѣ настоящаго года. На первое время въ университетѣ будетъ открытъ только медицинскій факультетъ. Лучшіе воспитанники будутъ приняты стипендіатами. Сообщенный нѣкоторыми газетами слухъ, будто въ Томскій университетъ будутъ приниматься кончившіе курсы въ духовныхъ семинаріяхъ, оказывается невѣрнымъ».

Въ непродолжительномъ времени, по словамъ «Рус. Курьера», прибудетъ въ Петербургъ германскій путешественникъ Х. Мильбертъ, будущій нынѣшнимъ лѣтомъ въ Сибирь и русскія средне-азиатскія владѣнія, съ цѣлію изслѣдованія фауны страны.

Газета «Владивостокъ» вноситъ очень интересную поправку къ отчету по главному тюремному управленію за 1883 годъ. Въ отчетѣ этомъ оказались неточности по отношенію къ Сахалину. Описывая туннель подъ мысомъ Жонкиеръ (стр. 28) отчетъ говоритъ: «Къ работамъ по устройству туннеля приступлено еще въ 1880 году, и только послѣ 3-лѣтнихъ работъ сооруженіе окончено — постъ Дуэ соединенъ съ селеніемъ Александровскимъ конно-желѣзною дорогою, проложенною чрезъ туннель по берегу моря». Однако, «Владивостокъ» утверждаетъ, что постъ Дуэ и по настоящее время съ селеніемъ Александровскимъ конно-желѣзнымъ путемъ не соединенъ. Только что начатое въ 1880 году по инициативѣ князя Шаховскаго укрѣпленіе берега вскорѣ же было брошено, такъ какъ дѣлалось не по правиламъ гидротехники, и въ томъ же 1880 году сентябрьской бурей произведена масса разрушеній. Вскорѣ затѣмъ и бревна стали растаскивать для построекъ въ Воеводской пади. Соединять указанные два пункта даже и не предвидится возможнымъ въ будущемъ, такъ какъ укрѣпленіе открытаго берега и обезпеченіе рельсоваго пути отъ буруновъ стоило бы огромныхъ денегъ. Туннель въ 1883 году также открытъ не былъ, а лишь въ 1884 году по немъ представилась возможность сгнупившихъ ходить. Качества туннеля таковы, что жившіи въ постѣ Дуэ горный инженеръ тогда же телеграфировалъ въ столицу, прося не смѣшивать его имени (какъ единственно проживавшаго тамъ горнаго инженера) съ совершенно неудовлетворительной проводкой туннеля.

Главный инспекторъ портовыхъ таможенъ въ Китаѣ, сэръ Робертъ Гартъ, какъ «Нов. Вр.» сообщало, обратилъ вниманіе пекинскаго правительства на злоупотребленія китайскихъ чайныхъ торговцевъ, начавшихъ втеченіе послѣднихъ четырехъ-пяти лѣтъ доставлять чай болѣе низкаго достоинства. Заявленіе сэра Роберта Гарта не осталось безъ послѣдствій, и китайскій государственный совѣтъ далъ этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Главный инспекторъ торговли южнаго Китая обратился съ циркуляромъ къ чайной гильдіи въ Шанхаѣ, въ которомъ указываетъ на гибельныя послѣдствія дальнѣйшей фальсификаціи чая для китайской торговли и для правительства. По словамъ циркуляра, китайскіе торговцы, разчитывая на неослабляющуюся потребность въ чаѣ за границей, стали доставлять продуктъ все болѣе и болѣе низкаго качества, совершенно забывая то обстоятельство, что китайское чайное производство поставлено будетъ скоро въ

необходимость соперничать съ развивающимся производствомъ чая въ Индіи и Цейлонѣ, количество котораго ежегодно возрастаетъ и составляетъ теперь уже десятую часть того, что вывозится изъ Китая. Кромѣ того, ближайшимъ конкурентомъ Китая по чайному производству является Японія. Паденіе чайной торговли причинитъ громадный ущербъ не только народному благосостоянію, но и подорветъ источники государственныхъ доходовъ, основанныхъ главнымъ образомъ на вывозныхъ пошлинахъ съ чая и шелка. Желая поэтому предупредить гибельныя послѣдствія для интересовъ китайскаго народа и правительства, государственный совѣтъ поручилъ главному инспектору южной торговли обратиться къ властямъ всѣхъ округовъ, гдѣ производится чай, съ предложеніемъ—убѣдить чайныхъ производителей и торговцевъ вести дѣло свое добросовѣстно и не наносить ущерба народному богатству изъ-за мелкихъ выгодъ. Директорамъ чайной гильдіи въ Шанхаѣ предписывается немедленно извѣстить чайныхъ торговцевъ, чтобы они употребили всѣ мѣры къ улучшенію качества ихъ продукта. («Нов. Вр.»).

Въ виду недостатка способныхъ и хорошо подготовленныхъ кандидатовъ для замѣщенія священническихъ и псаломщическихъ мѣстъ въ инородческомъ краѣ, вызвано со стороны тобольскаго епископа распоряженіе основать въ Абалакскомъ монастырѣ инородческое училище изъ остяковъ и самоѣдовъ, въ количествѣ 15 человекъ, отъ 12 до 15 лѣтъ, на средства монастыря, при пособіи отъ миссіонерскаго комитета. Для образованія состава сего училища предписано благочиннымъ и священникамъ инородческихъ приходовъ, чтобы они озаботились выбрать здоровыхъ дѣтей означеннаго возраста и пригласить родителей отдать таковыхъ для церковнаго обученія въ Абалакскій монастырь, на 4 или на 5 лѣтъ. Тѣ изъ мальчиковъ, которые окажутъ успѣхи въ преподаваемыхъ имъ предметахъ и освоятся съ церковностию, при очень хорошемъ поведеніи, могутъ поступать въ старшіе классы мѣстнаго духовнаго училища, или назначаемы на должности псаломщиковъ въ инородческой край, а достаточно и похвально прослужившіе въ сихъ должностяхъ, впоследствии могутъ имѣться въ виду кандидатами на вакансіи діаконствъ и священниковъ. Содержаніе и одежда будутъ выдаваться безмездно. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣти, оказавшіяся съ природными злокачественными болѣзнями, или худого поведенія, будутъ возвращаемы на родину. Обо всемъ этомъ совѣтуется предварительно объяснить, какъ должно, и родителямъ или родственникамъ дѣтей, и самимъ дѣтямъ. А далѣе, надо полагать, для достиженія лучшихъ успѣховъ, говорится, что «священники могутъ обращаться къ засѣдателямъ, которымъ будетъ послано по сему предмету отъ начальника губерніи предписаніе». Причемъ же въ этомъ дѣлѣ засѣдателя?

Изъ Екатеринбургa въ «Казанскій Биржевой Листокъ» сообщаютъ, что тамъ съ проведеніемъ желѣзной дороги появилась цивилизація прежде всего въ видѣ кафе-шантана. Въ томъ же помѣщеніи, гдѣ находилась контора благодѣтелей-строителей тюменской дороги, благодѣтель г. Тюновъ открылъ гостиницу съ арфистками. Подъ вліяніемъ свѣжихъ еще въ памяти ирбитскихъ ярмарочныхъ мотивовъ, кафе-шантанъ сразу пошелъ бойко, благо на время поста прекратились театральныя представленія. Во всякомъ случаѣ, г. Тюнову можно предсказать большой успѣхъ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщена статья о минеральныхъ источникахъ въ Забайкальской области. Число минеральныхъ источниковъ въ Забайкальской области такъ велико, а сами источники, по своему составу, оказываютъ столь благодѣтельное дѣйствіе при различныхъ болѣзненныхъ страданіяхъ, что эта область могла бы служить лѣчебницею для цѣлаго міра, если бы только здѣшнія минеральныя воды были изслѣдованы и устроены надлежащимъ образомъ,—говоритъ эта статья.

Замѣтимъ, что такіе же минеральные источники существуютъ въ горахъ Алтая и другихъ мѣстахъ Сибири. Къ нимъ можно

примѣнить и вышесказанныя слова. Туземцы-инородцы давно ими пользуются. Пробовали и русскіе устраивать ванны, какъ, напримѣръ, на Рахмановскихъ ключахъ, но скоро все это разрушалось и падало при отсутствіи заботъ.

Въ непродолжительномъ времени отправляются изъ Петербурга двѣ экспедиціи инженеровъ путей сообщенія: одна въ предѣлы Вѣлаго моря и Онежскаго озера съ цѣлью изысканія пути для проведенія Бѣломорскаго канала, и другая—въ городъ Чердынъ, Пермской губерніи, для изысканія пути подъ сооруженіе камско-печорской желѣзной дороги между водораздѣлами Камы и Печоры, на разстояніи 30-ти верстъ, отъ пристани Суслонской, на рѣкѣ Березовкѣ, притока Камы, и до пристани Якшинской, на берегу рѣки Печоры. («Нов. Вр.»).

«Екатеринбургская Недѣля» сообщаетъ, что на екатеринбургско-тюменской желѣзной дорогѣ, на участкѣ линіи между станціями Курманомъ и Тугуломъ, при таинн снѣга, полотно дороги такъ размыло, что оно не могло вынести тяжести локомотива; для передвиженія вагоновъ шедшаго изъ Тюмени пассажирскаго поѣзда пришлось, на пространствѣ 30 сажень, прибѣгнуть къ помощи людей!

Мы предсказывали это печальное послѣдствіе, но, видимо, вѣра дана была больше хвалебнымъ гимнамъ. Впрочемъ, это въ нашемъ духѣ: громъ не грянетъ, русскій челоуѣкъ не перекрестится! Не пришлось бы только перекреститься на могилахъ искалѣченныхъ труповъ.

Утвержденъ уставъ лѣчебно-благотворительнаго Общества Амурской области въ Благовѣщенскѣ. Цѣль Общества—подаваніе медицинской и матеріальной помощи бѣднымъ жителямъ Амурской области обоого пола всѣхъ званій и состояній. Сообразно съ этой цѣлью, Общество принимаетъ въ свое вѣдѣніе существующія въ городѣ Благовѣщенскѣ больницу для бѣдныхъ и опеку. Затѣмъ, когда больница будетъ доведена до размѣра 20 кроватей бесплатныхъ, Общество учреждаетъ, по мѣрѣ развитія своихъ средствъ, дома призрѣнія, дешевыя столовыя и другія заведенія, оказываетъ бѣднымъ вспомошествованіе, пріискиваетъ работу и занятія, помѣщаетъ бѣдныхъ дѣтей въ учебныя заведенія и т. д.

Въ залѣ музея восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества 11-го сего марта состоялось общее собраніе членовъ съ участіемъ постороннихъ лицъ. На этомъ собраніи членъ Отдѣла священникъ В. Копыловъ сдѣлалъ сообщеніе о тайлаганахъ у сѣверовосточныхъ бурятъ-шаманистовъ; кромѣ того, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Отдѣла за истекшій 1885 годъ и произведены выборы членовъ ревизіонной коммиссіи и распорядительнаго комитета. Въ коммиссію избраны: гг. Зиминъ, Румовъ, Заостровский, Вотинцевъ, Приклонскій, Стахевичъ и Андріевичъ; въ комитетъ: гг. Златковскій, Приклонскій, Карпинскій, Шамаринъ и Витковскій.

11-го марта главный начальникъ Восточно-Сибирскаго края графъ А. П. Игнатьевъ въ сопровожденіи городского головы, полицеймейстера и другихъ лицъ, посѣтилъ мѣста города Иркутска, гдѣ появилась чумная зараза, лично познакомился съ положеніемъ дѣла и давалъ совѣты жителямъ о мѣрахъ противъ губительной болѣзни. Къ сожалѣнію, зараза изъ ремесленной слободы перешла уже въ городъ. Газета «Сибирь», передавая это извѣстіе, выражаетъ пожеланіе, чтобы и въ окрестныя селенія былъ посланъ ветеринаръ для констатированія болѣзни, появившейся, какъ газета слышала, по якутскому тракту. Земской полиціи не мѣшало бы тоже стать на стражѣ.

Изъ Балаганска пишутъ въ «Сибирь», что ободренные вниманіемъ начальства буряты находятся въ трепетномъ ожиданіи будущаго. Они пріумолкли въ чапніи того: приметъ ли обновленный составъ мѣстнаго управленія сторону «думскихъ воротиль» или обездоленного большинства? По полиціи открыта бездна спрятанныхъ и лежавшихъ безъ движенія дѣлъ о зло-

употребленіяхъ волостныхъ и думскихъ дѣятелей. Всѣ ждутъ развязки дѣлъ, тянувшихся десятки лѣтъ.

Въ ту же газету пишутъ, что ленскіе бурята возрадовались о томъ, что начальство не замедлило обратить свое вниманіе на возбужденное ими ходатайство о злоупотребленіяхъ головы Кузикова и другихъ преступныхъ дѣятелей вѣдомства. Командированнымъ для производства чиновникомъ Б. открыть, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ числѣ денежныхъ поборовъ съ инородцевъ собирается ежегодно 380 р. на канцелярію земскаго засѣдателя Сем—го.

Что это за заколдованное царство—иркутскія бурятскія вѣдомства! Когда же будетъ конецъ злоупотребленіямъ?

Катера, странствовавшіе сухимъ путемъ. Въ III Отдѣленіи Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ опять поднялся вопросъ о катерахъ, оставленныхъ въ Тюмени экспедиціей г. Моисеева. Чистая печаль эти катера! хоть бы ужъ продали ихъ, а то они даютъ поводъ только изъ года въ годъ напоминать о неудачной экспедиціи г. Моисеева на Обь. Работы г. Моисеева и съемки, обѣщанныя имъ, доселѣ, къ сожаленію, не представлены, да едва ли и будутъ когда нибудь представлены. Оставшіеся катера, столь неудачно пропутешествовавшіе на Обь, однако, даютъ поводъ толковать о новой экспедиціи; только если она будетъ подобно предшествовавшей, то катера такъ и не двинутся.

Впрочемъ, ихъ можно оставить въ Тюмени въ видѣ историческаго памятника объ экспедиціи, а то вѣдь отъ нея никакого слѣда не осталось.

Изъ Кяхты сообщаютъ газетѣ «Сибирь», что чума все еще продолжается въ Киранѣ, Кударѣ и др. мѣстахъ. Становится до очевидности яснымъ, что зараза развозится въ кожахъ, массаи закупаемыхъ въ Монголіи. Кожи сперва идутъ черезъ Кяхту, лежатъ 4—6 сутокъ въ Троицкосавкѣ и подвергаются «дезинфекціи». Да и что это за дезинфекція? Сторожъ мокаетъ въ котель нѣсколько шкуръ, вытаскиваетъ вонъ, и комедія кончена. Давно бы пора закономъ воспретить нашему тупоголовому люду укупоривать чай въ эти глупыя кожи!

«Пермскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ о замѣчательной библиотекѣ г. Голубцова въ селѣ Александровскомъ, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи. Въ этой библиотекѣ, отчасти доставшейся по наслѣдству отъ предковъ и отъ графа Завадовскаго и пополненной настоящимъ владѣльцемъ имѣнія, находится уже и теперь до 8,000 томовъ классиковъ въ изданіяхъ, восходящихъ до XVI вѣка. Въ ней собраны также всѣ замѣчательныя научныя и художественныя произведенія русской литературы, цѣныя и рѣдкія книги по русской исторіи, археологіи, геральдикѣ, нумизматикѣ, географіи, этнографіи и пр. Особенно богатъ отдѣлъ книгъ и рукописей для изученія Пермскаго края. Тутъ находятся подлинныя любопытныя документы XVII, XVIII и XIX столѣтій; затѣмъ имѣется масса портретовъ, гравюръ и рисунковъ и болѣе 100 автографовъ замѣчательныхъ русскихъ людей и иностранцевъ прошлаго и текущаго вѣка. Есть свѣдѣнія, что на основаніи изученія какъ рукописей, такъ и печатныхъ сочиненій о Пермскомъ краѣ должно скоро явиться специальное сочиненіе самого владѣльца библиотеки; сколько извѣстно, сочиненіе это получитъ названіе: «Пермская провинція».

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г.

Въ № 12-мъ газеты «Сибирскій Вѣстникъ», отъ 9-го февраля 1886 года, въ статьѣ, озаглавленной «Казна и Обь-Енисейскій каналъ», г. Пессимиста (письмо изъ Иркутска), напечатано по поводу устройства мною почтово-пассажирскаго пароходства по рѣкѣ Ленѣ, между прочимъ, что «въ видѣ спрыс-

ковъ будущаго ленскаго пароходства, отъ Иннокентія Мих. Сибирякова потребовали по телеграфу пожертвованіе 10 тысячъ рублей, онъ же, въ огражденіе себя на будущее время отъ подобныхъ усердныхъ и безтактныхъ вымогательствъ, предпочелъ вовсе отказаться отъ предпріятія». Будьте добры, позвольте мнѣ заявить черезъ вашу уважаемую газету, что ничего подобнаго не было, никакихъ требованій «спрысковъ» я ни отъ кого не получалъ, никакихъ вымогательствъ и тому подобнаго я ни отъ кого не имѣлъ. Пароходство по рѣкѣ Ленѣ не было утверждено и ходатайство о немъ даже не разсматривалось въ высшей инстанціи, вслѣдствіе моего отказа; право на устройство означеннаго пароходства вовсе не было оставлено за мною «еще осенью минувшаго года», какъ сообщаетъ «Сибирскій Вѣстникъ», въ той же статьѣ. Я отказался отъ этого дѣла вслѣдствіе невозможности лично руководить имъ въ Сибири.

Примите и проч.

Иннокентій М. Сибиряковъ.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Въ собраніи соединенныхъ Отдѣленій географіи физической и математической И. Р. географическаго Общества, состоявшемся 25-го сего апрѣля, членъ-сотрудникъ Общества И. Д. Черскій сдѣлалъ сообщеніе «О направленіи и характерѣ поднятій на сѣверо-западной окраинѣ внутренней Азіи».

Докладчикъ провелъ двѣнадцать лѣтъ въ гористыхъ частяхъ Восточной Сибири и втеченіе этого времени ему удалось собрать значительный геологическій матеріалъ, обработкою котораго въ настоящее время онъ и занятъ. Цѣлью этого сообщенія было ознакомленіе слушателей въ общихъ чертахъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются относительно исторіи развитія горной страны, входящей въ составъ сѣверо-западной окраины внутренней Азіи. Вся эта мѣстность можетъ быть раздѣлена, согласно своей орографіи, на четыре части: 1) сначала идетъ плоская возвышенность Восточной Сибири, средняя высота которой около горъ, къ ней примыкающихъ, доходитъ до 1,750 фут. надъ уровнемъ океана; 2) затѣмъ идетъ высокое плоскогорье, ограниченное горами Саянскими, Байкальскими и Олекминскими съ сѣверо-запада и хребтомъ Яблоновымъ съ юго-востока; средняя его высота доходитъ до 3,500 фут., а окраинныя горы даже и до 4,500—11,000 фут. абсолютной высоты; 3) низшее плоскогорье (пустыня Гоби) съ среднею высотой въ 2,500 фут. и окраиннымъ хребтомъ Хинганомъ, послѣ чего слѣдуетъ 4) юго-восточная плоская возвышенность (система р. Сунгари) съ окраиннымъ хребтомъ Сихотаалинъ. Высокое плоскогорье представляетъ собою древнѣйшій материкъ, направляющійся съ юго-запада къ сѣверо-востоку; оно не покрывалось водами даже въ отдаленнѣйшія времена палеозойской эпохи и, по всей вѣроятности, представляетъ остатокъ древнѣйшей поверхности земной коры, уцѣлѣвшій послѣ осѣданія названныхъ соедѣнныхъ площадей, отдѣленныхъ отъ него трещинами и сдвигами. Въ то время, когда этотъ древнѣйшій отръзокъ, по величинѣ своей равный цѣлому Скандинавскому полуострову, постоянно оставался сушею, начиная съ палеозойскаго періода, окружающія его пространства служили еще дномъ океановъ силурийскаго и девонскаго періодовъ. На самомъ высокомъ плоскогоріи система древнихъ складокъ пластовъ была раздѣлена древними долинами на рядъ хребтовъ и цѣпей, направленныхъ съ востока на западъ. Система рѣки Селенги образовала общій склонъ плоскогорія къ сѣверо-западу, тогда какъ долина озера Байкала съ рѣками Верхнею Ангарою и Баргузиномъ и нѣкоторыми притоками Витима образовали хребты съ сѣверо-восточнымъ направленіемъ; точно также группа трещинъ, отдѣлившая высокое плоскогоріе отъ низшаго, обусловила направленіе юго-восточнаго уступа, который превратился въ современный Яблоновыи и Становой хребты. Изъ древнихъ морскихъ осадковъ образовались впоследствии горы (т. е. складки), слагающія сѣверо-западную окраину не только древнѣйшаго материка, но и почти всю внутреннюю Азію. Направленія всѣхъ

этихъ складокъ, въ противоположность складкамъ высокаго плоскогорія, почти вполне соответствуютъ направленію хребтовъ.

Въ среду, 7-го мая, происходило послѣднее предъ лѣтними ваканціями собраніе географическаго Общества, на которомъ присутствовало очень много членовъ. За отсутствіемъ вице-предсѣдателя П. П. Семенова, мѣсто его занималъ предсѣдатель этнографическаго Отдѣла, Л. Н. Майковъ. По прочтеніи доклада ревизіонной комиссіи и возраженій совѣта на докладъ, секретарь г. Григорьевъ прочиталъ письмо г. Потанина, полученное географическимъ Обществомъ отъ 21-го декабря прошлаго года изъ Гумбума. Изъ Лань-чжоу натуралистъ экспедиціи, г. Березовскій, отправился охотиться въ Сигусянь, самъ же г. Потанинъ съ топографомъ г. Скасси пошелъ вверхъ по долинѣ Жолтой рѣки въ Санчуань, откуда г. Скасси, желая связать съемки Лань-чжоу и Гуй-дуя, пошелъ на-легкѣ вверхъ по Жолтой рѣкѣ черезъ Сюнь-хуатинъ до Гумбума; самъ же Потанинъ съ коллекціями пошелъ вверхъ по Сининской рѣкѣ. Въ Сининѣ онъ долженъ былъ провести около шести дней, ожидая разрѣшенія поселиться въ Гумбумѣ. Сининскій амбанъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился написать въ Гумбумъ письмо и послать туда своего чиновника, чтобы водворить экспедицію въ монастырѣ. 7-го декабря г. Потанинъ прибылъ въ Гумбумъ. Монастырское начальство отело для экспедиціи цѣлый домъ. Въ Гумбумѣ экспедиція встрѣтила халхасцевъ изъ-подъ Улясутая, пришедшихъ сюда на богомолье. Они шли отъ Дзабхына черезъ урочища Кобыръ и Бомбу-пуру къ рѣкѣ Едзинъ-голу, къ берегамъ котораго вышли въ 8 дней хода ниже Гань-чжоу. По ихъ рассказамъ, едзинъ-торгоуты живутъ по этой рѣкѣ ниже того мѣста, гдѣ ее пересѣкаетъ дорога изъ Улясутая въ Гань-чжоу. Къ этимъ едзинъ-торгоутамъ экспедиція и будетъ держать путь весною 1886 года, въ расчетѣ найти между ними проводника черезъ пустыню Гоби, лежащую между Сококъ-норомъ и восточнымъ продолженіемъ Алтая.

Въ заключеніе засѣданія былъ прочитанъ докладъ И. В. Мушкетова «Исслѣдованіе Калмыцкихъ степей въ 1884—1885 годахъ». Исслѣдованія свои г. Мушкетовъ производилъ втеченіе 2-хъ лѣтъ отъ Царицына до устья Волги. Вся эта площадь дѣлится на двѣ части: восточная—низменная и западная—возвышенная, принадлежащая, по свойствамъ своей флоры, къ черноземной полосѣ. Въ первой части живутъ кочевники, вторая населена осѣдыми калмыками. По мнѣнію г. Мушкетова, западная часть, а въ особенности Гергинія, въ древности составляла морское дно, что доказывается, главнымъ образомъ, поразительнымъ сходствомъ найденныхъ здѣсь окаменѣлостей съ окаменѣлостями на днѣ Каспійскаго моря. Что касается песковъ, то г. Мушкетовъ считаетъ самихъ жителей, неправильно занимающихся скотоводствомъ, отчасти причиною накопленія ихъ и громаднаго числа сусликовъ, которые образуютъ здѣсь сусликовые бугорки и покрываютъ большія пространства.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Березовъ (корреси. „Восточ. Обозр.“). Начну съ внѣшняго описанія города. Изъ географіи извѣстно, что Березовъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Сосвы, впадающей въ Обь,—оно такъ и на самомъ дѣлѣ. Берегъ, на которомъ расположенъ Березовъ, хотя и возвышенный, но это не мѣшаетъ ему потонать въ грязи и болотахъ. Городъ, какъ извѣстно, историческій, что во-очію доказываются могилами Меньшикова и Остермана и нѣсколькими пушками временъ купцовъ Строгановыхъ. Могила этихъ государственныхъ мужей пріютились не въ далекомъ отъ церкви, а могила Меньшикова—около собора (у насъ двѣ церкви), пушки же подальше отъ городскихъ строеній, поближе къ рѣкѣ, чтобы случайно не испугать нашихъ миролюбивыхъ жителей—казаковъ. Березовъ замѣчательнъ также тѣмъ, что весь почти состоитъ изъ окраинъ, такъ что откуда не выйди, все будешь на концѣ города и въ то же время увидишь и другіе его концы. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ не имѣетъ центра; центръ его—болото, чрезъ которое лѣтомъ

нѣтъ ни проѣзда, ни прохода, но за то на которомъ въ это время можно встрѣтить охотниковъ на гусей и другую дичь; зимою же оно испещряется дорогами и дорожками, соединяющими всевозможныя части города; промежутки между дорогами и дорожками служатъ обыкновенно для свалки самыхъ разнообразныхъ нечистотъ. И надо отдать справедливость нашему Сквознику-Дмухановскому: въ этомъ отношеніи онъ не стѣсняетъ жителей, не придирается къ нимъ; не хочешь везти нечистоты за городъ, сваливай въ городъ,—наступитъ лѣто, начнутся жары, самъ же будешь задыхаться отъ мѣзмовъ, — это ли не образецъ мудраго воспитанія горожанъ, это ли не пахнетъ „Эмилемъ“ Эскироса! Каменнаго или кирпичнаго дома у насъ нѣтъ ни одного; всѣ дома деревянные, кривобокіе (исключая строящихся); происходитъ это отъ того, что у насъ не умѣютъ дѣлать фундаментъ. По „Путеводителю по Западной Сибири“, у насъ имѣется 200 домовъ, въ которыхъ живетъ 2,000 жителей. Въ это число нужно включить полицейское управленіе и тюрьму. А какая у насъ тюрьма! Одинъ видъ ея можетъ привести васъ въ умиленіе: отъ обыкновеннаго одно-этажнаго дома ничѣмъ не отличается, если не считать рѣшетки; выкрашена въ такой цвѣтъ, что скорѣе подумаешь, что это больничное отдѣленіе для умалишенныхъ, главнымъ фасадомъ выходитъ на главную улицу („Милліонную“—вотъ какъ громко; название такое улицѣ мы дали для того, чтобы не отставать отъ другихъ; мы вѣдь знаемъ, что вы всѣ грязныя улицы, носящія название „Вшивыхъ горокъ“ и т. п., переименовываєте въ „Милліонныя“),—а развѣ это не заставляетъ васъ согласиться съ тѣмъ, что придать такой видъ тюрьмѣ и поставить ее на такомъ мѣстѣ можетъ лишь то чувство, въ силу котораго на преступника смотреть не какъ на звѣря, а какъ на нравственно больнаго человѣка. Послѣ больнице-подобной тюрьмы естественно перейти къ самой больницѣ, или, лучше, къ ея служилому персоналу. Всѣ служащіе въ больницѣ, начиная со сторожа и его жены,—либералы, не гнушающіеся высшей братіей. Что я говорю не голословно, приведу примѣръ: на праздникъ рождества Христова и новаго года служащіе въ больницѣ вздумали болѣе почетнымъ обывателямъ разсылать письменныя поздравленія съ праздниками; поздравленія начинались такъ (цитирую имѣющееся у меня поздравленіе): „прислуга и фельдшера больницы имѣютъ честь и т. д.“—прислуга на первомъ планѣ, фельдшера на второмъ! Что же это, какъ не либерализмъ, даже болѣе какъ не демократизмъ!... Кромѣ этихъ „прислуги и фельдшеровъ“, въ больницѣ имѣется докторъ (чего хотите, но не медицины). Впрочемъ, онъ долженъ будетъ скоро отъ насъ улетучиться, такъ какъ двумъ докторамъ въ Березовѣ тѣсно было бы жить: къ намъ пріѣхалъ новый окружный докторъ, переведенный сюда для пользы службы изъ Туринска; зная, чѣмъ онъ былъ въ Туринскѣ, мы вполнѣ увѣрены, что онъ не унижитъ нашего Березова и будетъ стоять въ глазахъ обывателей также высоко, какъ стоитъ и стоялъ прежній, живой покойникъ для насъ въ настоящее время. Отъ людей, призванныхъ быть „гуманными“, перейдемъ къ людямъ „серьезнымъ“. Ихъ у насъ очень мало: всего на всего одинъ, замѣчательный своею близорукостію. Была одна причина, заставляющая его не смотрѣть далѣе своего носа. Какъ извѣстно, сибиряки—народъ суевѣрный, а съ нашимъ Кузьмой случился такой казусъ. Въ Березовѣ, какъ и по всей Сибири, существуетъ обычай во время рождественскихъ праздниковъ рядиться (по нашему „маскироваться“) и въ такомъ видѣ съ музыкой расхаживать по домамъ обывателей. Одному изъ „серьезныхъ людей“ нашего города тоже вздумалось предпринять путешествіе въ образѣ какой-то кумушки и, какъ подобаетъ, конечно, съ задней мыслью; какая это была мысль, думаю, для васъ безразлично; но дѣло въ томъ, что въ одномъ домѣ онъ провалился въ подполье,—и этого было для него достаточно, чтобы прійти къ тому убѣжденію, что всякое посягательство видѣть далѣе своего носа будетъ наказано. Кстати для характеристики нашихъ патріархальныхъ отношеній можемъ привести слѣдующій фактъ. Вздумали наши „просвѣтители“ юношества „комедь“ помолать, отправились за разрѣшеніемъ къ березовскому „набольшему“, тотъ сперва встрепенулся, потомъ ужаснулся, наконецъ, не рѣшаясь самолично не допустить ломать „комедь“, обратился за разъясненіемъ къ губернатору, который,—о, ужасъ,—дозволилъ дать „спектакль“. Дали спектакль; исполнителямъ онъ понравился и такъ ихъ разлакомилъ, что они вздумали во второй разъ на масляницѣ устроить то же. Идутъ опять „для

проформы“, не разрѣшить не можетъ, обращаться къ губернатору не придется, имѣя такой прецедентъ; апъ, не тутъ-то было; посовѣтовалъ обратиться за разрѣшеніемъ къ губернатору, иначе де ему можетъ быть нагоняй за превышеніе власти. Губернаторъ, конечно, опять разрѣшилъ; но здѣсь стряслась бѣда: межъ артистами выпелъ разладъ изъ-за того, кому изъ нихъ публика должна больше аплодировать; одинъ говоритъ—мнѣ, другой—мнѣ; одинъ говоритъ—я по служебному положенію выше тебя, другой... и т. д.—такъ во второй разъ спектакль и не состоялся. „Просвѣтителей“ юношества у насъ 5 человѣкъ, не считая пона: смотритель уѣзднаго училища (онъ же и смотритель училищъ Березовскаго и Сургутскаго округовъ), 2 преподавателя уѣзднаго училища, 1 преподаватель приходскаго училища и 1 преподавательница женскаго приходскаго училища. Среди „просвѣтителей“ одинъ пользуется незавидной репутацией, одно время приходилось искать защиты у здѣшней администраціи отъ него и другаго такого же артиста (его здѣсь уже нѣтъ) даже смотрителю. Впрочемъ, къ характеристикѣ здѣшнихъ обитателей нужно сказать, что бояться своихъ подчиненныхъ, подъ-часъ трепетать предъ ними,—это общая ихъ черта. Но изъ этого не слѣдуетъ, что начальствующіе не начальствуютъ надъ подчиненными. Смотритель (я, конечно, говорю не о смотрителѣ тюрьмы, который въ то же время и главный ключникъ въ тюрьмѣ, и писецъ полицейскаго управленія; это—маленькая единица) у насъ своего рода тактикъ. Въ заключеніе могу сообщить, что у насъ есть пожарная труба, пожарная кляча и пожарный, который на этой клячѣ изо дня въ день развозитъ по городу воду обывателямъ. Когда случилось что-то въ родѣ пожара въ соборѣ, то понадобилось сперва розыскать пожарнаго и клячу, розыскали ее, впрягли въ пожарную трубу, на пристяжку впряглись главы мѣстной администраціи и потащили къ собору (т. е. клячу и трубу). Не доѣзжая до собора, кляча распряглась; думали-думали, какъ быть, и рѣшили клячу вести къ собору за узду, а трубу тащить на себѣ; такъ и сдѣлали. Пока дотащили трубу, она оказалась кстати уже и ненужной, сажа въ трубѣ сама собой перестала горѣть.

Начавъ съ вѣшняго описанія города, имъ и окончу. У насъ есть и городской садъ, построенный руками политическихъ ссыльныхъ при помощи города, съ аллеями безъ тѣни и бесѣдкой, изъ которой долженъ открываться прелестный видъ на рѣку Сосву, но не открывается, такъ какъ съ этой стороны бесѣдка закрыта листовницами. Гулять здѣсь рѣдко кто гуляетъ; гуляніе въ саду обывателями считается смертнымъ грѣхомъ. Итакъ въ Березовѣ 200 домовъ съ 2,000 жителей, 2 церкви, 4 кабака, 4 водочныхъ склада *) и 1 кладбище, на которомъ живетъ лучше всего.

Томскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). 25-го марта, въ залѣ томскаго общественаго собранія происходило первое общее собраніе членовъ томскаго благотворительнаго Общества, уставъ котораго утвержденъ еще въ 1881 году товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. На собраніи присутствовало до 200 лицъ, преимущественно вся „лучшая часть“ нашего общества, т. е. купцы, начальствующія лица всѣхъ учрежденій, доктора и проч., записавшіеся членами Общества, что, въ свою очередь, немало удивило нашего брата репортера, привыкшаго видѣть вездѣ и во всемъ непробудную спячку всѣхъ этихъ господъ, когда дѣло касается благотворительнаго вопроса. Въ данномъ случаѣ, разумѣется, повліяло не искреннее стремленіе прійти на помощь бѣдняку, остававшемуся до сихъ поръ безъ вниманія и въ заголѣ, а просто потому, что за дѣла взялся человѣкъ съ вліяніемъ и съ извѣстнымъ выдающимся положеніемъ въ обществѣ. Цѣль Общества, какъ видно изъ устава, попеченіе о бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, особенно стыдящихся просить подаенія, и оказывать имъ такого рода пособія, которыя приносили бы существенную пользу и не могли быть употребляемы во зло по легкомыслію или предосудительнымъ наклонностямъ (§ 1); сообразно съ этою цѣлью занятія Общества составляютъ: а) изысканіе способовъ къ прекращенію нищенства; б) доставленіе одежды, пищи и крова лицамъ, истинно нуждающимся, не могущимъ пріобрѣтать ихъ собственными трудами; в) облегченіе и доставленіе способовъ для призрѣнія и воспитанія дѣтей неимущихъ родителей; г) содѣйствіе въ пріисканіи занятій

*) А бібліотека, бібліотека, господа березовцы, гдѣ?!.. *Ред.*

или службы, въ опредѣленіи нуждающихся къ должностямъ, въ приобретеніи для работъ матеріала и въ выгодномъ сбытѣ издѣлій, производимыхъ бѣдными; д) доставленіе бѣднымъ медицинскаго пособія въ больницы и на дому; и е) помѣщеніе на счетъ Общества немощныхъ и безпомощныхъ въ богадѣльню (§ 2). Остальные параграфы трактуютъ о составѣ Общества, развитіи средствъ, управленіи дѣлами, правленіи Общества, общихъ собраніяхъ, правахъ Общества и закрытіи его, т. е. пунктовъ, касающихся формальной стороны Общества. Изъ выписанныхъ двухъ параграфовъ устава достаточно повяты, на сколько обширна программа дѣятельности благотворительнаго Общества, которое едва ли оправдываетъ все возлагаемая на него надежды, ибо, во-первыхъ, все будетъ зависть отъ личныхъ качествъ главныхъ руководителей дѣлами, обязанныхъ оставить въ сторону всякія формальности и высокоуміе, подавляющія всякое доброе начинаніе. Во всякомъ случаѣ мы узнаемъ изъ практики, какъ отнесется къ своимъ обязанностямъ вновь зародившееся Общество. Что же касается нуждающихся въ постороннемъ покровительствѣ, то ихъ въ послѣднее время скопилось въ Томскѣ масса. Независимо бѣдныхъ семействъ, пропитывающихся на счетъ поданій, дѣтей, эксплуатируемыхъ родителями—нищими, посылающими ихъ на мосты въ самые жестокіе морозы оборванцами, голодными и избитыми для возбужденія сожалѣнія въ прохожемъ, подающемъ дѣтямъ денежную милостиню, которая затѣмъ пропивается родителями маленькихъ нищихъ, тонущихъ въ развратной безпросвѣтной жизни, увеличивая собою число туеядцевъ, пьяницъ воровъ и мошенниковъ,—въ Томскѣ есть и такія лица, которыя, обладая извѣстнымъ образованіемъ и разностороннимъ знаніемъ канцелярскаго, конторскаго и коммерческаго дѣла, не находятъ, однако, мѣста, слоняются по канцеляріямъ и конторамъ съ предложеніями своихъ услугъ по два и по три года и, всетаки, не находятъ примѣненія къ дѣлу своего труда и не потому, чтобы не было вакантнаго мѣста, а вслѣдствіе того, что затесавшіеся въ правительственные и частныя учрежденія разныя юсы занимаютъ по двѣ и по три должности, получая генеральское содержаніе и заставляя этимъ другаго голодать. Если члены благотворительнаго Общества не обратятъ вниманія на этотъ печальный фактъ, то слова устава: „содѣйствіе въ присканіи занятій или службы, въ опредѣленіи нуждающихся къ должностямъ...“ останутся пустой фразой. Миѣ приходилось видѣть лицъ съ образованіемъ работающихъ въ кузницахъ, слесарныхъ и другихъ мастерскихъ, ради только того, чтобы поддержать свое существованіе и не уподобиться Адаму. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство нашихъ образованныхъ сибиряковъ вѣчно жалуются на отсутствіе труда и избѣгаютъ родины. За послѣднія 50 лѣтъ наши гимназіи дали немало честныхъ труженниковъ, гдѣ они? Во всѣхъ сибирскихъ учрежденіяхъ, кромѣ развѣ думъ, вы ихъ не насчитаете и 20 человекъ, остальной служебный персоналъ все народъ пришлый изъ російскихъ губерній; на другихъ житейскихъ поприщахъ тоже мало сибиряковъ. Вопросъ о нашихъ сибирякахъ я свелъ къ тому, чтобы показать, какъ плохо цѣнятъ наши познанія и что безъ вліятельной протекціи тутъ ничего не подѣлаешь. Поэтому задача благотворительнаго Общества о присканіи занятій для служащихъ—вещь весьма благодарная, если оно отнесется сознательно.

Вѣрный (корресп. Восточн. Обозр.). 3-го апрѣля, многими изъ жителей нашего города, былъ слышанъ какой-то подземный гулъ. Землетрясенія здѣсь не рѣдкость, и поэтому гулъ подземный не производитъ особой сенсаціи въ здѣшней публикѣ.—Великопостное наше развлеченіе почти исключительно состоитъ въ хожденіи по клубамъ (у насъ ихъ два—гражданскій и военный; больше посѣщаемъ первый), и, для сокращенія великопостнаго времени, играемъ въ карты, большею частью, въ винтъ. Такъ и было, между прочимъ, 4-го апрѣля, но на этотъ разъ игра не кончилась, какъ всегда, тихо и мирно, недолго публикѣ пришлось углубляться въ различныя комбинаціи ходовъ и выходовъ: за однимъ изъ столовъ послышался сначала сдержанный ропотъ одного изъ партнеровъ, но вскорѣ небольшая комната, гдѣ обыкновенно играютъ, огласилась слѣдующею фразою: „Вы бы, милостивый государь, чѣмъ лапти-то тутъ плести, лучше бы поаккуратнѣе выдавали бѣднымъ сиротамъ назначаемое вспомошествованіе, вѣдь навѣрно и здѣсь васъ ищутъ сироты, чтобы выпросить у васъ изъ назначеннаго имъ пособія хотя рубль на пропитаніе“. Дѣй-

ствительно, вслѣдъ за словами горячаго партнера, является лакей клуба и докладываетъ элегантному N., что его проситъ какая-то женщина. Невозмутимый N., со свойственной ему аристократической холодною, приказываетъ лакею сказать этой женщинѣ, чтобы она пришла къ нему завтра утромъ на квартиру. Публика переглянулась, многозначительно улыбувшись. Не въ бровь, а прямо въ глаза! Разныхъ сиротъ, вдовъ, чиновниковъ-бѣдняковъ у насъ какъ и вездѣ много, и вотъ изъ числа этихъ-то немощныхъ нѣкоторые, дѣйствительно просидѣвши уже голодомъ сутки или двое, съ малолѣтними дѣтишками, рѣшаются, наконецъ, пойти просить себѣ какое нибудь вспомошествованіе у администраціи. Прежде у насъ практиковалось это такъ: кладется резолюція на прошеніи, а потомъ уже пишется ассигновка на имя просителя, талонъ же отправляется въ казначейство, гдѣ дня чрезъ два или три проситель получаетъ разрѣшенную ему субсидію, теперь же поручили небольшому, но элегантному чиновнику получать авансомъ рублей 300 и болѣе. Дѣло это сначала пошло очень хорошо, взмолились сироты и вдовы, что услышалъ Господь ихъ молитву, даже, быть можетъ, и самъ N. возсылалъ горячія мольбы къ Всевышнему за такое раціональное распорядженіе; навѣрно не могу сказать, но только—желая ли увеличить благосостояніе сиротъ, или свое собственное, говорятъ, N. вздумалъ попробовать на эти деньги счастья въ карты. Улыбулось ли ему счастье, или нѣтъ—неизвѣстно, но только во время пріемныхъ дней просителей N. сталъ бывать рѣже и рѣже, отговариваясь болѣе важными исполненіями, а бѣдныя сироты и вдовы стали получать назначаемыя имъ пособія не сейчасъ, не чрезъ два, три дня, а даже чрезъ мѣсяць, два и болѣе, и не полностью, а по частямъ, и то только при настойчивомъ ихъ преслѣдованіи N. то въ клубѣ, то въ гостяхъ и очень рѣдко дома.

Екатеринбургъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Любопытныя данныя, между прочимъ, для нашего Урала заключаетъ въ себѣ: „Краткій отчетъ о выполненіи воинской повинности въ 1885 году“, напечатанный въ № 44 „Правительственнаго Вѣстника“ за текущей годъ. Изъ этого отчета видно, что къ исполненію воинской повинности въ 1885 году призывалось молодыхъ людей, не имѣвшихъ права на льготу, въ Пермской губерніи 11,530 человекъ, изъ нихъ совсѣмъ освобождено отъ службы по недостаточному росту, по болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ и по неспособности къ службѣ 2,366 человекъ, въ Вятской губерніи на 11,833 безльготныхъ—2,230, въ Уфимской на 8,970 послѣднихъ—1,297 человекъ, т. е. въ первой изъ этихъ губерній—нѣсколько болѣе $\frac{1}{5}$ общаго числа безльготныхъ, во второй—нѣсколько менѣе, въ третьей около $\frac{1}{7}$. Число принятыхъ при этомъ на службу льготныхъ (2-го и 3-го разрядовъ) въ расчетъ не вводилось, такъ какъ по всѣмъ тремъ губерніямъ оно простирается лишь отъ 24 до 100 человекъ. Сравнительно теперь точно такія же данныя по остальнымъ губерніямъ Россіи, оказывается, что болѣе процентъ уволенныхъ отъ службы людей, благодаря упомянутымъ выше причинамъ, даютъ только губерніи Калужская, Костромская, Ломжинская и Московская, во всѣхъ же остальныхъ 57 губерніяхъ онъ гораздо менѣе, чѣмъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ, во многихъ даже вдвое меньше, но не такъ уже разнится отъ величины $\frac{1}{5}$ въ Уфимской губерніи. Правда, что все это лишь данныя за одинъ только годъ, тѣмъ не менѣе значеніе ихъ отъ этого измѣняется весьма мало: есть надъ чѣмъ задуматься нашему Уралу, да и для Россіи вообще не очень, вѣроятно, утѣшительно тоже, что изъ общаго числа призывавшихся въ прошломъ году лицъ къ исполненію воинской повинности, не имѣвшихъ права на льготу, изъ 428,135 человекъ оказалось положительно негодныхъ къ службѣ 67,046 человекъ, т. е. цѣлыхъ 15,60%, а это значитъ, что при всякомъ новомъ наборѣ, слѣдуетъ полагать, что здоровое населеніе государства должно давать отъ себя еще лишнихъ 15,60% молодыхъ людей для военной службы—вопросъ опять таки чисто-экономическаго характера и находится, безспорно, въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ, разбиравшимся на бывшемъ съѣздѣ врачей въ Петербургѣ именно съ этой же экономической стороны: о средней 29-лѣтней продолжительности человѣческой жизни у насъ, о средней продолжительности ея—въ 53 и 37 лѣтъ за границей, о среднемъ числѣ рабочихъ лѣтъ человѣка въ Россіи, выражающемся цифрою 11, о среднемъ числѣ этихъ лѣтъ въ 35 и 19 за границей и проч. На съѣздѣ вопросъ

этотъ фигурировалъ, самъ по себѣ, какъ санитарный. Говорить послѣ этого о томъ, что въ Пермской и Вятской губерніяхъ на 100 человѣкъ здоровыхъ приходится 20 человѣкъ калѣкъ, слѣдуетъ еще болѣе потому, что здѣсь, по крайности въ Пермской губерніи, никакихъ почти санитарныхъ изслѣдованій не производится, но только 2 человѣка калѣкъ на 10 здоровыхъ... это ужъ, какъ хотите, черезчуръ: пора бы, кажется, объ этомъ и подумать. Впрочемъ, сами же здѣшніе земскіе врачи на это и отвѣтятъ, что нашъ мужикъ и слышать не хочетъ ни о какихъ санитарно-гигиеническихъ правилахъ и что онъ у деревенскихъ бабъ лечится предпочитаетъ. Вѣрно все это, допустимъ,—однако, вѣдь не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду и того, что человѣкъ сознательно и добровольно тогда только начинаетъ заботиться о себѣ, въ смыслѣ принятія тѣхъ или другихъ мѣръ для охраненія своего здоровья, или думать начинаетъ о своей чистоплотности и опрятности, когда просыпается въ немъ сознание о достоинствѣ своей личности, а кто и гдѣ у насъ, когда и какъ вздумается, не помыкаетъ нашимъ мужикомъ? Вторая же причина, почему онъ не думаетъ ни о какихъ санитарно-гигиеническихъ правилахъ, заключается въ извѣстной уже изолированности русскихъ деревень отъ вліянія хорошаго примѣра въ этомъ отношеніи культурныхъ классовъ, блистающихъ почти полнымъ своимъ отсутствіемъ въ деревняхъ. И мы еще жалуемся часто послѣ этого на наше равнодушіе къ интересамъ обывателей послѣднихъ, когда намъ приходится блюсти эти интересы; мудро дѣйствительно и принимать ихъ близко къ сердцу, какъ свои, когда жизнь деревни не составляетъ постоянной частицы въ нашей собственной обыденной жизни: деревенская жизнь намъ положительно чужда, а потому мы къ ней и равнодушны. Тѣмъ же самымъ платитъ намъ и деревня, когда мы обращаемся къ ней въ лицѣ органовъ земства съ различными мѣропріятіями на ея же пользу: неудивительно поэтому, что часто терпимъ фіаско въ извѣстныхъ отношеніяхъ и школьное дѣло, и медицинское, и тѣмъ болѣе санитарное. Послѣднее, конечно, терпимъ фіаско и по другимъ болѣе осязательнымъ причинамъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ нами говорилось, но объ этихъ осязательныхъ причинахъ много сообщалось въ печати.

РУССКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

II.

Между Якутскомъ и Вилюйскомъ нѣтъ почтового сообщенія: корреспонденція отправляется разъ въ мѣсяцъ изъ окружнаго суда съ казаками и идетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на оленяхъ. Станція—одинокія юрты, въ которыхъ живутъ по 2—3 якута съ семьями и отстоятъ одна отъ другой версты по 40—60.

Во всей Якутской области только одинъ Якутскъ можетъ быть названъ городомъ, какъ по своей величинѣ, такъ и по нѣкоторой степени культурности, всѣ другіе города: Вилюйскъ, Охотскъ и Колымскъ—собственно не болѣе какъ острожки для сбора ясака и мѣны пушнаго товара. Населяющія ихъ казачьи полусотни, конечно, уже утратили свой воинственный характеръ. Завоеватели инородцевъ, они сами почти поголовно обратились въ этихъ инородцевъ. Администрація этихъ городковъ крайне немногочисленна, она состоитъ всего изъ одного исправника и его помощника и двухъ, трехъ писцовъ въ окружномъ управленіи. Казначейства нѣтъ, самъ исправникъ завѣдуетъ всѣми суммами, онъ же завѣдуетъ пороховымъ погребомъ и казеннымъ хлѣбнымъ магазиномъ; онъ же главный начальникъ надъ казаками, ибо якутскіе казаки, хотя и отправляютъ караулы на различныхъ постахъ, но собственно являются полицейскими служителями. Начальникъ каждой казачьей полусотни, или, какъ онъ называется, управляющій, бываетъ обыкновенно изъ заурядъ-хорунжихъ, т. е. унтеръ-офицеръ, и онъ также во всемъ подчиненъ исправнику. Два, три священника съ причтами и человѣкъ до 10 торговцевъ изъ якутскихъ купцовъ и мѣщанъ дополняютъ вилюйское общество. Каждаго новаго пріѣзжаго желаетъ видѣть весь городъ. Человѣкъ никому не-

извѣстный можетъ свободно прійти въ каждый домъ, и домохозяевамъ это не покажется нисколько страннымъ, его встрѣтятъ радушно и съ неизмѣннымъ якутскимъ вопросомъ: „скажите“, и если пришедшій неразговорчивый человѣкъ, ему нѣсколько разъ повторять: „ну, поговаривайте, что же новаго?“ Непременно заставятъ его пить чай и спрашиваютъ его, не привезъ ли онъ чего продавать; непременно спросятъ о губернаторѣ, архіереѣ. Лавокъ въ городѣ нѣтъ, всѣ торгуютъ на дому, и купцы обыкновенно весьма пріятливы къ покупателю. Глухая жизнь, скука, однообразіе заставляютъ жителей быть весьма радушными ко всякому пріѣзжему. Но нельзя отказать здѣшнимъ жителямъ и въ природномъ добродушій и гостепріимствѣ. Ежегодно съ половины мая чуть не всѣ жители Вилюйска отправляются версты за 20 ниже города на неводьбу рыбы. Рыбныя ловли принадлежатъ казакамъ, и они въ правѣ всякому постороннему воспретить неводьбу. Большинство изъ нихъ имѣетъ свои невода, но обыкновенно тони закупаются еще съ осени торговцамъ. Торговецъ даетъ по 10 руб. за тоню съ правомъ брать себѣ только большую рыбу—стерлядь, таймень, нельму, мелкая рыба остается владѣльцу невода. Цѣна всѣхъ крупныхъ сортовъ рыбы 4 р. за пудъ. Рыба составляетъ важную часть пищи мѣстныхъ жителей, изъ нея приготавливаются разнообразныя кушанья, изъ рыбы даже дѣлаютъ тѣсто, изъ котораго пекутъ пирожки, начиненные тоже рыбой. Каждый именинный пирогъ обязательно долженъ быть съ нельмой. Казаки въ большинствѣ продаютъ свой хлѣбный паекъ якутамъ и торговцамъ, якутскіе русскіе очень мало ѣдятъ хлѣба; мясо и рыбу они ѣдятъ безъ хлѣба, а хлѣбъ подается только къ чаю и называется „закуской“. Признакомъ хорошаго тона служить, чтобы къ чаю подавалось печенье изъ крупчатой муки, которая тамъ стоитъ отъ 12 до 16 руб. пудъ и употребляется болѣе американская крупчатка, которая до послѣдняго времени была очень распространена въ якутской торговлѣ. Съ половины іюня, по окончаніи казачьей неводьбы, торговцы на своихъ каюкахъ уплываютъ на якутскую ярмарку, гдѣ, закупивъ нужныхъ товаровъ, плывутъ внизъ по Ленѣ до Вилюя (версты 500) и потомъ вверхъ по Вилюю (версты 1,000), приплывая въ Вилюйскъ только въ сентябрѣ. Сухимъ путемъ отъ Якутска до Вилюйска считается около 700 версты, но клади возить по нему въ лѣтнее время нѣтъ никакой возможности: верхами едва проѣзжаютъ. Съ прібытіемъ товаровъ городъ наполняется якутами изъ двухъ соседнихъ улусовъ. Они являются съ цѣлыми семьями и болѣе состоятельные останавливаются прямо въ домахъ торговцевъ. Торговецъ долженъ ихъ кормить и поить чаемъ день или два, пока они сдѣлаютъ у него закупки и договорятся объ уплатѣ. Торговецъ наверстаетъ убытки на цѣнахъ товаровъ. Кромѣ того, въ началѣ октября по первому зимнему пути онъ самъ поѣдетъ съ товарами по якутскимъ наслегамъ и будетъ кормиться даромъ самъ съ приказчиками и 3—4 лошадьми. Поставивъ бутылку вина хозяину юрты, торговецъ можетъ рассчитывать на самый радушный пріемъ: ему подадутъ вареную конскую голову (знакъ особой почести), топленого коровьяго масла, громадныхъ карасей и „угрюмъ“ (замороженныя пѣнки со вскипаченныхъ сливокъ). Иной якутъ угоститъ даже подругой, выбранной изъ домашней прислуги.

Въ нѣкоторыхъ далекихъ и глухихъ наслеггахъ на низовьяхъ Вилюя якуты торговцу, да и всякому заѣзжему русскому, оказываютъ большія почести. Зимой якуты и русскіе въ дальнихъ мѣстахъ Якутской области, а отчасти и въ самомъ городѣ Якутскѣ, никогда не раздѣваются, входя въ дома или юрты. Они снимаютъ только шапку и рукавицы, иногда распояшуются за чаемъ, а снимаютъ верхнюю одежду только уже послѣ чая, и то тогда, когда остаются тутъ ночевать. Это замѣчаніе не относится къ оленьимъ дохамъ; доха снимается еще на дворѣ и остается въ саняхъ, но подъ дохою всегда надѣвается еще тулупъ или шуба. Зимой жизнь Вилюйска изрѣдка разнообразится одной, двумя свадьбами, да „вечорками“ на Рождествѣ. На свадьбы, а иногда и на

вечорки, является единственный тамъ музыкантъ—казакъ и съ единственнымъ во всемъ городѣ инструментомъ—бубномъ. Подъ этотъ бубенъ музыкантъ и гости поютъ пѣсни, а подъ эту вокально-инструментальную музыку молодежь обоого пола танцуетъ нѣчто непонятное, въ родѣ кадрили безъ фигуръ или со смѣшеніемъ всѣхъ фигуръ во едино. Угощеніе на вечеркахъ состоитъ обыкновенно изъ чая съ „закуской“, подаваемого въ продолженіе вечера обязательно два, а то и три раза, изъ вяленой говядины и „строганины“, т. е. мерзлой рыбы, строганой тонкими, длинными ломтями; для строганины обыкновенно употребляется муксунъ или чирь. Въмѣсто варенья подается мерзлая брусника съ толченымъ сахаромъ и изъ той же брусники самодѣльная наливка для дамъ. Дамъ обыкновенно долго упрашиваютъ выпить, хотя якутянки любительницы вина. Если между мужчинами иногда идетъ разговоръ и на русскомъ языкѣ, то между дамами преимущественно на якутскомъ. Якутскій языкъ, это—нѣчто въ родѣ французскаго языка для дамъ Якутской области, а инья порусски-то и говорятъ плохо. Иногда дамы спюютъ русскую пѣсню, но на якутскомъ языкѣ:

«Тегабатъ, угубатъ,
Томоронъ ардахъ тусті.
Джирбай, джирбай хара хастахъ,
Минь діе га тирѣдемъ»... и т. д.

Эти слова составляютъ буквальный переводъ пѣсни: „И шумитъ и гудитъ, дробенъ дождикъ идетъ“... Въ пѣсни сохраняется совершенно тотъ же русскій мотивъ пѣсни. На святкахъ ходять ряженые въ самодѣльныхъ маскахъ и въ якутскихъ женскихъ шубахъ, украшенныхъ серебромъ или въ своихъ собственныхъ шубахъ, вывороченныхъ на изнанку. Ряженые поютъ и пляшутъ подъ пѣсни, причемъ особенно распространена пѣсня въ лицахъ:

«Сговорила меня мать
За солдатака отдать» и т. д.

съ нѣкоторыми мѣстными вариантами. Дочка, отказывающаяся выходить замужъ за представителей различныхъ сословій и состояній, соглашается выйти единственно за „чиновника“.

Циническія слова и двусмысленные намеки чрезвычайно любимы якутами и якутянками. Сказанныя на якутскомъ языкѣ разныя пошлости доставляютъ истинное удовольствіе

публикѣ. Якутскій языкъ, обладающій массой синонимовъ, особенно способенъ какъ къ каламбурамъ, такъ и еще болѣе къ крайней двусмысленности. Якутянки и якутки иногда забавляются тѣмъ, что учатъ пріѣзжаго русскаго якутскому языку, и когда новичекъ неумышленно переменяетъ удареніе сказаннаго ему слова, то выходитъ совсѣмъ неприлично, а учительницамъ только этого и надо, онѣ хохочутъ до слезъ. На масляницѣ нѣкоторые изъ публики катаются на оленяхъ, а другіе устраиваютъ такъ называемую „лодку“, т. е. ставятъ лодку на дровни, запряженныя тройкой лошадей, въ лодку ставятъ столъ съ водкой и закусками и такъ разѣзжаются по улицѣ, выпиваютъ и поютъ пѣсни. Такая „лодка“ прежде была сильно распространена въ городѣ Якутскѣ, но теперь вывелась оттуда.

Весь городъ Вилюйскъ состоитъ изъ одной улицы и изъ десятка домишекъ и юртъ на задворкахъ этой улицы, по самой опушкѣ лѣса. Большинство строеній безо всякихъ заборовъ и воротъ, каждое отдѣльное жилие представляетъ неправильно расположенную кучку, состоящую изъ дома, юрты и двухъ, трехъ амбаровъ. Дома крышами не кроются, а потолокъ прямо засыпается толстымъ слоемъ земли, какъ и на юртахъ. Въ городѣ одна двухъ-этажная церковь, дома всѣ одно-этажные и, изъ всѣхъ строеній, выдающаеся по величинѣ есть одно только зданіе—вилюйская государственная тюрьма. Реклю въ своей географіи называетъ городъ Вилюйскъ мѣстомъ ссылки государственныхъ преступниковъ, но это не совсѣмъ справедливо, въ вилюйской тюрьмѣ жили одновременно только двое ссыльныхъ: Омичко, сосланный еще по польскимъ дѣламъ 1863—1864 годовъ, и литераторъ Чернышевскій, который пробылъ тамъ около 13 лѣтъ. Мѣстомъ ссылки для государственныхъ преступниковъ служить теперь исключительно Якутскій округъ, а отчасти Верхоянскій и Колымскій округа. Въ области, по официальному описанію ссыльныхъ, находилось въ 1880 году до 80 человѣкъ государственныхъ преступниковъ обоого пола. Впрочемъ Якутская область издревле была страной государственной ссылки. Начиная съ гетмана Многогрѣшнаго и протопопа Аввакума еще въ 17 столѣтіи и Войнаровскаго въ 18, тамъ были и декабристы: графъ Чернышевъ и Бестужевъ (Марлинскій) въ самомъ городѣ Якутскѣ и одинъ изъ Мурзавехыхъ въ Вилюйскѣ и т. д. Ш.

Б Ъ Г Л Ы Й П О К О Й Н И К Ъ .

(Р А З С К А З Ъ).

I.

Давно это было, когда я жилъ еще въ деревнѣ десятилѣтнимъ мальчишкой и дѣлалъ непозволительные, но смѣлые набѣги на огородъ сосѣдки—дьячицы, благополучно избѣгая возмездія въ видѣ горячихъ жалъ крапивы. Стояла прекрасная лѣтняя погода. Всѣ, кто могъ владѣть граблями, вилами и косой, отправились на покосъ. Въ деревнѣ оставались только старики да дѣти.

Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ дней, по утру, пришелъ къ намъ сельскій десятникъ и объявилъ матери, что я долженъ отправиться на сутки въ караулъ ледника, за очередь, вмѣстѣ съ старикомъ Пахомомъ.

Дѣдушка Пахомъ, сухопарый лысый старикъ, жилъ одиноко на краю деревни, занимаясь починкою старыхъ кадокъ и обуви. Онъ былъ извѣстенъ въ деревнѣ какъ человѣкъ, не любившій денегъ: все, что, бывало, зарабатываетъ, сейчасъ же отнесетъ къ цѣловальнику.

Вскорѣ послѣ ухода десятника, пришелъ къ намъ Пахомъ, и мы отправились съ нимъ въ караулъ.

Ледникъ стоялъ въ виду деревни, за гумнами, на краю кладбища, густо поросшаго тѣнистыми березами. Въ немъ хранилось тѣло какого-то неизвѣстнаго человѣка, поднятаго еще весной съ дороги, съ веревкой на шеѣ.

Прийдя къ леднику, Пахомъ осмотрѣлъ его двери, припертыя палкой, заглянулъ внутрь и для чего-то обошелъ кругомъ. Затѣмъ понюхалъ табуку и сказалъ мнѣ:

— Ты побудь тутъ, Гришутко, маненечко, а я схожу въ деревню за запасомъ.

Хотя днемъ и не для чего было караулить ледникъ, но я аккуратно исполнялъ свою обязанность: цѣлый день проигралъ съ ребятами на лужайкѣ передъ ледникомъ. Пахомъ приходилъ ко мнѣ только разъ, и то, должно быть, для того, чтобъ понаблудить, на своемъ ли я посту.

Вечеромъ я убѣждалъ съ ребятами домой поѣсть, а въ

сумеркахъ зашелъ за мной Пахомъ и сказалъ какъ-то серьезно, многозначительно.

— Ну, теперича пойдѣмъ въ караулъ. Завтра,—добавилъ онъ, обращаясь къ матеря:—приѣдетъ дохтуръ, — старшина сказывалъ; покойника-то будутъ потрошить. Пора бы ужъ... почесь, полгода лежитъ... совсѣмъ народъ замучилъ,—заклучилъ Пахомъ и отеръ лысину.

Мать дала мнѣ на дорогу картошекъ, благословила и совѣтовала ничего не бояться.

Вечеръ былъ прелестный, тихій, теплый. Дѣдушка Пахомъ развелъ противъ дверей ледника огонь для того, какъ говорилъ онъ, чтобъ веселѣе было ночью. Я сбѣгалъ за хворостомъ и началъ печь картошки.

— Гришутко, ты боишься покойниковъ?—спросилъ меня Пахомъ.

Я страшно боялся покойниковъ и былъ увѣренъ, что всѣ они отъ бездѣлья шлеются по ночамъ, пощелкивая зубами, но мнѣ стыдно было признаться въ трусости, — какой же я послѣ этого мужикъ?

— Нѣтъ, не боюсь... Чего ихъ бояться-то!—сказалъ я больше для ободренія Пахома, полагая, что и онъ боится.

— Такъ вотъ што, парнюга, ты посиди-тко тутъ манечко, а я схожу домой за табакомъ. Какъ шли — обронилъ гдѣ-то рожекъ-отъ, пусто ему будь!

— Какъ обронилъ!—удивился я:—да ты сейчасъ нюхалъ.

Пахомъ сталъ озираться по сторонамъ, посмотрѣлъ на лужайкѣ возлѣ огня, ударилъ по карману ладонью (тамъ звякнули мѣдныя деньги), пощупалъ въ карманѣ.

— Нѣтути!.. обронилъ гдѣ-то... ты посиди, я скоро... сказалъ Пахомъ и пошелъ къ деревнѣ.

Узнавъ нечаянно, что у Пахома есть деньги, которые—рано или поздно—онъ отнесетъ къ цѣловальнику, я закричалъ ему вслѣдъ:

— Ты хоть въ кабакъ-то не заходи, дѣдушко!

— Нѣтъ... Пошто...

Когда замолкли вдали шаги снѣшившаго въ деревню Пахома, на меня напалъ безотчетный страхъ. Подсѣвши поближе къ огню, я началъ подбрасывать въ него хворостъ и переворачивать полуобгорѣвшія картошки, хотя и пришелъ аппетитъ на нихъ.

Вскорѣ наступила тихая ночь и въ непроницаемой мглѣ ея скрылись деревни, гумна и роца, только на дверяхъ ледника ярко отражалось красное пламя костра. Гдѣ-то далеко въ лѣсу раздавался крикъ коростеля; по временамъ доносился изъ деревни лѣнивый лай полусонной собаки. Вотъ и нѣтухи проибли, а Пахома все нѣтъ. Время тянулось безконечно долго; огонь горѣлъ слабо, хворостъ истощался... Вдругъ надо мной что-то пронеслось, прошумѣло и смолкло... На меня напалъ ужасъ; волосы стали дыбомъ. Я сидѣлъ и не смѣлъ оглянуться... „Бѣжать“... мелькнуло въ умѣ. — „Нѣтъ, хуже,—догонить... Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его, да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“, — началъ я послѣшно повторять начальныя слова незнакомой молитвы. Опять что-то пронеслось надо мной и прошумѣло въ ближнихъ берегахъ на кладбищѣ. Я инстинктивно схватилъ хворостину и бросилъ на огонь. Вспыхнуло яркое пламя и освѣтило ледникъ. Я взглянулъ—у дверей его стоялъ мертвецъ въ бѣломъ саванѣ... Ха-ха-ха-ха-ха-ку-ку! — раздалось

вдругъ на кладбищѣ. Я замеръ, сердце перестало биться, руки опустились, по тѣлу пошелъ морозъ...

Вдругъ, почувствовавъ силы, я вскочилъ, подхватилъ обѣими руками штанишки и, какъ сумасшедшій, бросился бѣжать въ деревню. Слѣдомъ за мной погнался мертвецъ, щелкая зубами...

Не чувствуя ничего, кромѣ страха, я несся по улицѣ, какъ вѣтеръ; наткнулся на развалившуюся подъ заборомъ свинью съ семействомъ, покотился кубаремъ и, вскочивъ, мчался далѣе, сопровождаемый хрюканьемъ; противъ кабака перескочилъ черезъ лежавшее поперекъ дороги тѣло и понесся впередъ, безъ оглядки... Вотъ, наконецъ, и наша изба. Я началъ стучать кулакомъ въ окно изо всей силы.

— Кто тамъ?—послышался голосъ матери.

— Мама!—отчаянно крикнулъ я и упалъ безъ чувствъ.

II.

Утромъ, до восхода солнца, меня разбудила мать. Когда я открылъ глаза, то первый, кого увидѣлъ, былъ Пахомъ. Онъ стоялъ предо мной съ поникшей головой; въ сѣдой бородѣ его болтался комокъ гризи.

— Гришутка, вставай! Что мы будемъ дѣлать?—вѣдъ покойникъ-то удралъ!

Послѣ всего, что я слышалъ, видѣлъ и перечувствовалъ ночью, въ словахъ Пахома для меня не было ничего страннаго.

— Мало того, что удралъ, онъ еще было съѣлъ меня по твоей милости,—замѣтилъ я Пахома, и рассказалъ свои ночныя приключенія.

— Вотъ, подишь-ты, кто бы могъ подумать, што оно такъ случится?—разсуждалъ Пахомъ.—Зашелъ только на минуточку, одинъ шкаликъ выпилъ и свалился на дорогѣ... старъ сталъ. Утромъ проснулся, иду попровѣдать тебя,—ни тебя, ни покойника нѣтути... Что мы будемъ теперича дѣлать? Бѣда!

— Надо заявить старостѣ,—посоветовалъ я.

— Надо, надо,—соглашался Пахомъ.—Пойдемъ къ старостѣ. Да ты вотъ што, Гришутка, ты ужъ не говори ему, што я не почевалъ въ караулѣ,—тебѣ же худо будетъ, обомимъ будетъ худо, въ острогъ посадятъ, скажутъ, пошто не ловили его, покойника-то.

Пришли къ старостѣ. Пахомъ рассказалъ все по порядку: какъ онъ караулилъ день и ночь, какъ въ полночь отворилась дверь ледника и вышелъ оттуда мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, какъ страшно захохоталъ и бросился на него, Пахома, какъ онъ упалъ за смертью, и затѣмъ, что было дальше, ничего не помнить, только знаетъ, что мертвецъ удралъ.

Староста слушалъ внимательно, не прерывая; повидимому, онъ нисколько не сомнѣвался въ справедливости разсказа. Старуха, мать его, сидя на печи, крестилась и безпрестанно повторяла: Господи Иисусе!

Когда закончилъ Пахомъ свой разсказъ, староста подошелъ къ нему и сказалъ:

— Што же ты врешь, старый... и при этомъ называешь его такъ не хорошо, что мнѣ стало стыдно. — Откуда взялъ мертвецъ саванъ, когда онъ лежалъ голый?

— Кто его знаетъ, батюшка, — должно полагать, стигнулъ...

— Ну-да, по-твоему... А ну-ко, дохни на меня.

Пахомъ дохнулъ.

— Такъ и есть! Да ты еще не проснулся, старый лѣшій, и городишь съ-пьяна.

Мы отправились втроемъ къ леднику. Дверь его оказалась отпертой настежь, но покойникъ еще не возвращался.

— А гдѣ же колода? Вѣдь покойникъ въ колодѣ лежалъ, — спросилъ староста.

Мы съ Пахомомъ переглянулись. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же колода? Намъ раньше и въ голову не пришло задаться этимъ вопросомъ.

— Таперь дохтуръ прѣхалъ, спросить покойника. Кого я дамъ потрошить, — тебя, што ли, стараго пса!

Пахомъ молчалъ.

— А ты што выпучилъ глаза-то, — перескочилъ староста съ Пахома на меня. — Гдѣ покойникъ? Сказывай! а то сейчасъ отдамъ тебя дохтуру потрошить.

— Я... я, дяденька... я... ей-Богу!.. я не знаю, — лепеталъ я, трясаясь, какъ осиновый листъ и пятясь отъ старосты.

— Врешь! Пойдемъ къ дохтуру.

„Зарѣжутъ“... быстро сообразилъ я, и ударился бѣжать.

— Стой! стой! — кричалъ мнѣ староста вслѣдъ. Но я былъ уже вблизи гумень и со всего размаха влетѣлъ головой въ первый овинъ.

Въ овинѣ было темно; я забился въ самый дальній уголь и прижался тамъ. Едва я успѣлъ перевести духъ, какъ долженъ былъ захватить носъ: тяжелый, душливый запахъ чего-то гніющаго поразилъ меня сразу. Откуда взялась тутъ „пропастина“, подумалъ я, и началъ присматриваться. Въ лазею овина проникалъ слабый дневной свѣтъ, на который я устремилъ взоръ и увидѣлъ... о, ужасъ! Я не могу передать того страха, который охватилъ меня. Ночью я видѣлъ мертвеца въ саванѣ, или, вѣрнѣе, одинъ саванъ, и то мелькомъ, а тутъ вдругъ увидѣлъ настоящаго покойника въ гробу, безъ савана, нагаго... Онъ лежалъ у самой лазеи, у стѣны овина, оскаливъ зубы и высунувъ языкъ, точно смѣялся надъ моимъ безвыходнымъ положеніемъ. Я хотѣлъ закричать, но языкъ отказался повиноваться, думалъ бѣжать, но мѣсто отступленія караулилъ покойникъ, да если бы и убѣжалъ изъ овина, то все равно попался бы въ руки доктора...

Долго ли я, окованный страхомъ, просидѣлъ такъ въ овинѣ — не знаю, но мнѣ казалось это время вѣчною. Вдругъ слуха моего коснулся далекій говоръ; блеснула искра надежды на спасеніе. Говоръ постепенно приближался и становился яснѣе; я началъ различать отдѣльные слова; мнѣ стало легче, и я хотѣлъ кричать о помощи, но... Но вотъ чьи-то сильныя руки схватили меня, я жестоко отбиваюсь, меня тащатъ, положили на столъ. Докторъ пилить мою голову и ворчить: „вишь какая крѣпкая; рѣжь его!“ Фельдшеръ плащилъ меня ножомъ... Ой, больно! — крикнулъ я, рванулся и побѣжалъ; за мною кто-то гнался... Смотрю — мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, растопыривъ руки, перегородилъ мнѣ дорогу. Аминь, аминь, разсыпся! — ударилъ я мертвеца наотмашъ и открылъ глаза...

Свѣтло. Вижу знакомыя полаты, дверь избы, нашу печь; повернулъ голову — у изголовья мать сидитъ; глаза ея заплаканы. Я хотѣлъ броситься къ ней на шею, разцѣловать ее и спросить, о чемъ она плачетъ, но едва могъ пошевелиться.

— Мама! — тихо произнесъ я.

Мать оглянулась на меня.

— Чего тебѣ, миленькій, напитокъ?

— Мама, отчего ты не разбудила меня? Какой я страшный сонъ видѣлъ!

Мать бросилась обнимать и цѣловать меня.

— Голубчикъ ты мой! насилу-то я дождалась, когда ты придешь въ память; двѣнадцать денечковъ ты все бредилъ, да бѣгалъ отъ меня.

И мать залилась слезами радости. Страшно отъзвался на мнѣ этотъ случай.

III.

Прошло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я караулилъ съ Пахомомъ ледникъ. Много утекло воды за это время. Не стало Пахома, и умерла и мать моя. Самъ я также во многомъ измѣнился и потерялъ вѣру въ путешествіе покойниковъ не только съ гробами, но даже безъ гробовъ. Суровая жизнь, наполненная борьбой за существованіе, оторвала меня отъ родной деревни, ея повѣрій и предрасудковъ и забросила въ тайгу служить на прискахъ.

Разъ, вечеромъ, по окончаніи дневныхъ работъ, собрались ко мнѣ всѣ служащіе въ контору пить чай. Пили по присковому обычаю „запоемъ“, рассказывали о своихъ и чужихъ походахъ и приключеніяхъ, шутили и смѣялись. Нарядчикъ живо передалъ комическую сцену, свидѣтелемъ которой онъ былъ утромъ на хозяйской кухнѣ. Въ этой сценѣ играли плачевную роль усы присковаго фельдшера въ рукахъ хозяйской горничной. Въ самый разгаръ веселья отворилась дверь конторы и на порогѣ показалась плотная фигура героя разсказа.

— А! Ювъ Григорьевичъ! легокъ на поминѣ; пожалуйте! — заговорило нѣсколько веселыхъ голосовъ.

Ювъ Григорьевичъ, высокій, здоровый старикъ, однимъ появленіемъ своимъ въ кружкѣ служащихъ всегда вызывалъ смѣхъ; объ немъ рассказывали много забавныхъ анекдотовъ, и самъ онъ былъ весельчакъ-разсказчикъ; къ его вѣчно улыбающемуся лицу какъ-то плохо шли громадные сѣдые усы. Въ его характерѣ была одна странная черта: онъ не могъ пройти мимо ни одной присковой бабы, чтобъ не задѣть ее „печаянно“ и иногда очень неловко.

— Ну, что вы гогочете, окаянные! — сказалъ Ювъ Григорьевичъ, проходя на средину комнаты. — Плакать надо!

— Ужъ не о твоихъ ли усахъ? — смѣясь, спросилъ нарядчикъ.

— Мои усы живы и здоровы, а я пришелъ поздравить васъ съ покойничкомъ.

— Кто умеръ? — хладнокровно спросилъ становой *).

— Иванъ Безродный.

— Ну, значить, не будетъ больше бѣгать.

— И не говорите этого, Сидоръ Ивановичъ, — можетъ убѣжать и покойникъ, — внушительно произнесъ Ювъ Григорьевичъ. — Я, доложу вамъ, самъ былъ свидѣтелемъ, какъ цѣлая деревня разыскала бѣлаго покойника.

Служащіе расхохотались.

— Ну-тко! соври, Ювъ Григорьевичъ! Это интересно, какъ покойники бродяжатъ.

Ювъ Григорьевичъ подсѣлъ къ столу, налилъ стаканъ чаю и началъ:

*) Помощникъ управляющаго, завѣдующій прискомъ становой

— „Нѣтъ, господа, не совру, а правду-матку расскажу. Давнешко это было, еще на первых порахъ, какъ меня прислали въ Сибирь учиться калачи ѣсть. Поступилъ я фельдшеромъ къ окружному врачу. Обязанность извѣстная—лечить покойниковъ. Сидимъ мы съ своимъ врачомъ въ городѣ, поигрываемъ отъ скуки въ картишки и конимъ своихъ пациентовъ въ деревенскихъ ледникахъ. Понятно, чѣмъ больше ихъ тамъ, тѣмъ лучше: объѣдешь всѣхъ разомъ, а прогоны получишь за каждого порознь. Копили мы такъ съ врачомъ мертвецовъ съ зимы до половины лѣта и накопили штукъ полсотни.—Ну,—говоритъ мой врачъ,—поѣдемъ, Гриценко, по деревнямъ. Пора. Мужикамъ надо работать, заплатить дороже, чтобъ поскорѣе развязаться съ мертвыми тѣлами. Поѣхали. Подъѣзжаемъ ночью къ одной деревнѣ, гдѣ лежалъ въ ледникѣ удушенникъ. Дорога, какъ сейчасъ вижу, проходила между гуменъ и кладбища; тутъ же стоялъ и ледникъ.—Постой,—говорю ямщику,—надо сказать караульному, чтобъ пораньше приготовили тѣло,—наладили бы, значитъ, столъ и все, что нужно при вскрытіи трупа. Вылѣзъ я изъ повозки, подошелъ къ огню — никого нѣтъ. Кричу: караульный, гдѣ ты?—никто не отвѣчаетъ. Не въ ледникѣ ли, думаю. Отворилъ дверь, зажегъ спичку, освѣтилъ—никого нѣтъ, только трупъ лежитъ въ колодѣ.—Ахъ, разбойники, такъ-то, думаю, караулите. Постойте, я жъ вамъ удружу. Иду къ повозкѣ и говорю ямщику,—надо вамъ сказать, что ямщикъ былъ отчаянная шельма-поселенецъ:—На, тебѣ рубль и пойдешь со мной.—Куда?—спрашиваетъ.—Пойдемъ, говорю, унесемъ изъ ледника тѣло и спрячемъ. Врачъ расхохотался,—ему понравилась моя затѣя; ямщикъ не отказался. Взяли мы съ нимъ тѣло, какъ было, совѣмъ съ колодой, унесли на гумно и спрятали въ овинѣ; а сами, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣли и поѣхали въ деревню. Утромъ, только что мы продрали очи, смотрю—идетъ сельскій староста, какъ мокрая курица. Пришелъ, и бухъ! врачу въ ноги.—Ваше высокоблагородіе, спасите, будьте отецъ родной!—Что съ тобой?—спрашиваетъ врачъ:—чѣмъ нездоровъ?—Трупъ убѣжалъ изъ ледника!—вопитъ староста.—Какъ!—заоралъ мой врачъ,—трупъ убѣжалъ! Да какъ ты смѣлъ мнѣ это сказать! Ты продалъ его, негодяй, и говоришь, что убѣжалъ. А знаешь ли ты, какой это важный трупъ? Тутъ, можетъ быть, убійство съ грабежемъ десяти тысячъ, а ты вздумалъ продавать! Я тебя за это въ острогѣ сгною! Я отвернулся, чтобъ не расхохотаться: какой тутъ грабежъ,—просто конокрада-поселенца придушили мужики и оснимали, чтобъ не признали по одеждѣ.

— Что же вы думаете?—это дѣло-то намъ сто рублей дало. Безъ этихъ денегъ докторъ свидѣтельства не выдавалъ.

— Когда было все кончено, я и говорю старостѣ. Поставьте мнѣ штофъ, я вамъ покойника найду; а то опять отыщется, и докторъ въ другой разъ пріѣдетъ. Староста такъ и ахнулъ. Опять въ ноги. Взялся я найти покойника и повелъ ихъ въ овинъ. Но тутъ еще происшествіе случилось. Только-что вошли мы въ овинъ и увидѣли покойника, вдругъ въ овинѣ раздалось:

— Караул!—такъ я со страху чуть самъ не задалъ тягу. Слушатели расхохотались.

— Кто же это, Іовъ Григорьевичъ, покойникъ, что ли, закричалъ караулъ?

— Какое покойникъ! Какой-то мальчишка забился въ овинъ.

Опять раздался дружный взрывъ хохота. Но я остановилъ рассказчика.

— Довольно вамъ, Іовъ Григорьевичъ, рассказывать, остальное я самъ доскажу: этотъ мальчишка, что напугалъ васъ въ овинѣ, былъ я.

Карпычъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Изъ Лонна отъ 8-го мая извѣстно, что кандидатъ Трикуписа, Стефанопуло, выбранъ президентомъ палаты 139 голосами противъ 78, поданныхъ за Деліаниса. Сортиропуло, Долигеоргесъ и Ралли со своими сторонниками вотировали за Стефанопуло, мотивируя свой вотумъ желаніемъ поскорѣе выйдти изъ настоящаго кризиса, причемъ, однако, заявили, что они не отказываются на будущее время отъ оппозиціи министерству Трикуписа. Король призвалъ Трикуписа, которому поручилъ составить министерство. Громадная толпа сопровождала Трикуписа при выходѣ изъ палаты. Трикуписъ держалъ рѣчь къ толпѣ, которая громко привѣтствовала новаго министра. Трикуписъ сказалъ, что народъ не долженъ выказывать радость въ подобную минуту. Вотумъ доказываетъ, что депутаты обладаютъ политическимъ смысломъ, ибо они отлично поняли тяжелое положеніе Греціи, которая испытываетъ серьезныя бѣдствія. Но не надо отчаяваться: бѣдствія будутъ исправлены посредствомъ твердой и благоразумной политики, которая позволитъ Греціи снова пойти по пути, predeterminedъ ей судьбою. Критское собраніе вотировало адресъ къ иностраннымъ консуламъ, въ котомъ подтверждаетъ, что останется вѣрнымъ законамъ Турціи, и выражаетъ надежду, что Порта приметъ въ расчетъ это поведеніе и увеличитъ привилегіи Крита.

— Извѣстія изъ Софіи принесли слухъ о томъ, будто въ Бургасѣ открытъ заговоръ противъ князя и перваго министра. Полиція арестовала въ Бургасѣ нѣсколько человекъ, изъ которыхъ половина иностранцевъ: они составляли заговоръ о покушеніи на жизнь князя и перваго министра Каравелова. Слѣдственная власть извѣщена. Настроеніе народа превосходное. Князь и Каравеловъ прибыли 11-го числа въ Варну.

— Въ послѣднемъ засѣданіи англійской палаты общинъ Гладстонъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы обсужденію ирландскаго билля было посвящено по четыре дня въ недѣлю. Пренія грозятъ затянуться надолго: ораторовъ записалось уже болѣе 120-ти, а такъ какъ въ вопросѣ такой первостепенной важности, конечно, всякому будетъ дана возможность высказать свое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что гладстонскій законъ о правѣ спикера прекращать пренія касается лишь намѣреннаго обструкціонизма, то и слѣдуетъ ожидать, что эта словесная война продлится не мѣсяца. Каковъ будетъ ея результатъ,—это зависитъ отъ того, на сколько Гладстону удастся привлечь на свою сторону либераловъ группы Чемберлена, голоса которыхъ только и могутъ доставить ему большинство. Агитація противъ гладстонскаго билля принимаетъ особенно рѣзкій характеръ въ сѣверной Ирландіи, въ провинціи Ульстеръ. Протестанты, составляющіе большинство населенія въ этой провинціи, рѣшительно не желаютъ, чтобы ихъ судьбою распоряжался католическій дублинскій парламентъ, и заявляютъ, что въ случаѣ утвержденія гладстонскаго билля они намѣрены сопротивляться ему вооруженною силою. Они, повидимому, серьезно готовятся къ возстанію, вооружаются и вербуютъ добровольцевъ, организуясь по образцу феивей. Въ этомъ не совсѣмъ обычномъ движеніи справедливо видятъ „руку“ консерваторовъ, такъ какъ еще въ февралѣ лордъ Рандольфъ Чѣрчилль, только-что сложившій съ себя званіе члена консервативнаго кабинета, открыто призывалъ протестантовъ Ульстера къ вооруженному сопротивленію противъ ирландской автономіи.

— По словамъ иностранныхъ газетъ, малое осадное положеніе, давно уже существующее въ Берлинѣ и его окрестностяхъ, въ послѣднее время еще болѣе усилено, благодаря недавнему приказу министра внутреннихъ дѣлъ, въ силу котораго всякая сходка, созы-

васмая съ цѣлью обсужденія общественныхъ дѣлъ, можетъ состояться только съ письменнаго разрѣшенія полиціи, которой должно быть заявлено о сходкѣ за двое сутокъ впередъ. Избирательная сходка при выборахъ въ рейхстагъ и ландтагъ не подчиняются этому правилу. Недавно нѣмецкія газеты сообщили, что берлинскіе каменщики, въ числѣ шести тысячъ человекъ, вступили въ стачку, требуя опредѣленія рабочей платы по 50 пфенниговъ за часъ. На ихъ сходкѣ, происходившей 23-го апрѣля, были прочтены отвѣты, полученные ими отъ патронровъ. Только одиннадцать подрядчиковъ дали своимъ рабочимъ письменное согласіе, 32 подрядчика соглашаются выдавать рабочую плату въ требуемомъ размѣрѣ, но не хотятъ давать письменнаго обязательства. Наконецъ 80 подрядчиковъ отвергли вполнѣ или отчасти требованія рабочихъ, что повело къ прекращенію работъ 813 каменщиками. На сходкѣ 23-го апрѣля не было принято окончательныхъ резолюцій, такъ какъ манифестанты ожидали результата еще одной сходки каменщиковъ, происходившей одновременно въ другомъ помѣщеніи. Но сходка живѣйшимъ образомъ обсуждала одну брошюру, адресованную патронами рабочихъ. Патроны объявляютъ о своей готовности заплатить 45 пфенниговъ за часъ „способнымъ рабочимъ“. Это заявленіе встрѣтило живѣйшее порицаніе. Въ ожиданіи общаго собранія каменщиковъ, назначеннаго на воскресенье, 27-го апрѣля, было рѣшено, что каменщики, не получившіе удовлетворенія, пробудутъ въ стачкѣ до субботы, 26-го апрѣля; если въ воскресенье не послѣдуетъ удовлетворенія, то стачка сдѣлается всеобщей. Вообще положеніе рабочихъ въ Германіи становится все тревожнѣе. Вслѣдъ за стачкою въ Берлинѣ, начались демонстраціи незанятыхъ рабочихъ въ Кенигсбергѣ. Это движеніе довольно серьезное, хотя покуда еще совершенно мирное; рабочіе ежедневно собираются передъ городской ратушею, прося дать имъ средства къ существованію. Застой въ торговлѣ и промышленности въ этой части Пруссіи все усиливается. Совершенно наоборотъ тому, что постоянно бываетъ въ эту пору года, открытіе навигаціи повидимому нисколько не улучшило положенія дѣлъ. Въ берлинскомъ официальном органѣ обнародовано новое распоряженіе прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, предписывающее, согласно 28-му параграфу закона о социалистахъ, полицейскимъ властямъ Берлина, Потсдама и ихъ окрестностей наблюдать, чтобы никакія сходки или собранія не происходили безъ предварительнаго разрѣшенія. Организаторы сходокъ обязаны за два дня обращаться къ мѣстной полицейской власти съ просьбою о дозволѣніи имъ публично обсудить свои дѣла. Распоряженіе это распространяется на собранія всѣхъ партій безъ исключенія. („National Zeitung“).

— Изъ Парижа телеграфируютъ въ берлинскую «Post», что усилившаяся за послѣднее время агитація орлеанистовъ, путемъ альманаховъ, брошюръ, банкетовъ и сходокъ, возбуждаетъ сильное неудовольствіе въ республиканскихъ кружкахъ и вызываетъ съ ихъ стороны рѣзкія статьи. 6-го мая, какъ сообщаетъ «Temps», совѣтъ французскихъ министровъ занимался вопросомъ о высылкѣ принцевъ, который снова поставленъ на очередь. Повидимому, правительство склонно сдѣлать что либо въ этомъ вопросѣ, особенно касательно графа Парижскаго, но еще не знаетъ—въ формѣ ли закона, декрета или административной мѣры. Окончательнаго рѣшенія еще не принято, но оно послѣдуетъ еще до открытія палаты.

— Въ Римѣ, 7-го (19-го) мая, на банкетѣ конституціонно-монархическаго союза Депретисъ защищалъ финансовую политику: доходы въ текущемъ финансовомъ году превысятъ приблизительно на 35 милліоновъ смѣтныхъ ожиданія; итальянское правительство будетъ и впредь заботиться объ упроченіи бюджета посредствомъ величайшей бережливости. Депретисъ въ заключеніе упомянулъ о полномъ согласіи правительства съ императорскими державами и Англійей въ болгарскомъ и греческомъ вопросѣ.

— Извѣстно, что, по смерти испанскаго короля Альфонса XII, супруга его, королева Христина, была провозглашена правительницею государства отъ имени еще неизвѣстнаго наследника, рожденіе котораго только еще ожидалось. 4-го мая у королевы родился сынъ, тотчасъ же провозглашенный королемъ Итали, съ именемъ Фердинанда VIII. Чины двора и армія уже приняли присягу новому государю; королева остается регентшею до его совершеннолѣтія.

— Швейцарскій союзный совѣтъ принялъ законопроектъ о ландштурмѣ, по которому всѣ швейцарскіе граждане, въ возрастѣ отъ

17 до 50 лѣтъ, подлежатъ службѣ въ ландштурмѣ. Ландштурмъ призывается на службу, лишь когда непріятель угрожаетъ границѣ или перешель оную. Численность ландштурма опредѣлена въ 200,000.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— 6-го мая, въ день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича, всѣ военныя суда, а также двѣ яхты одесскаго яхт-клуба, находившіяся въ Севастополѣ, были разрѣзаны флагами. Въ этотъ же день въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ торжественно освященъ Алексѣевскій западный докъ, спущенъ на воду съ эллинга стальной двухъ-винтовой броненосный корабль „Чесма“ и сдѣлана закладка трехъ стальныхъ двухвинтовыхъ канонерскихъ лодокъ „Уралецъ“, „Терецъ“ и „Кубанецъ“.

— 8-го мая Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и другими Своими Августѣйшими дѣтьми отбыли изъ Севастополя на крейсерѣ добровольнаго флота „Москва“ въ Очаковъ и далѣе—въ Николаевъ, гдѣ 10 мая въ 4 часа по полудни, въ Высочайшемъ присутствіи, при громѣ орудій съ военныхъ судовъ, спущенъ на воду другой новый броненосный корабль „Екатерина II“, построенный въ Николаевѣ русскими мастерами изъ русскаго матеріала.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатанъ слѣдующій Высочайшій приказъ по черноморскому флоту отъ 6-го текущаго мая: „Прошло тридцать слишкомъ лѣтъ, какъ черноморскій флотъ, свершивъ славные подвиги, принесъ себя въ жертву для блага Россіи и перенесъ духомъ на памятные холмы Севастополя. Нынѣ флотъ этотъ возникаетъ вновь на радость долго скорбѣвшаго о немъ отечества. Воля и помыслы Мои науравлены къ мирному развитію народнаго благоденствія; но обстоятельства могутъ затруднить исполненіе Моихъ желаній и вынудятъ Меня на вооруженную защиту государственнаго достоинства. Вы будете стоять за него со Мною съ преданностію и дивнѣйшею современниковъ стойкостью, вѣванными по зову Дѣда Моего вашими предшественниками. На водахъ, свидѣтеляхъ ихъ доблестей, ввѣрю вамъ охрану чести и спокойствія Россіи“.

— 8-го мая въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе: „Въ виду производящагося въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же приема слушательницъ въ существующіе высшіе женскіе курсы вѣдомства означеннаго министерства“.—Распоряженіе это явилось для всѣхъ вполнѣ неожиданно, особенно относительно петербургскихъ высшихъ курсовъ, существованіе которыхъ, казалось, совѣтъ упрочили съ переходомъ ихъ минувшей осенью въ собственное зданіе. Дальнѣйшихъ разъясненій этого мѣропріятія еще пока не воспослѣдовало.

— Педагогическій совѣтъ Красноуфимскаго реальнаго училища проситъ „Недѣлю“ довести до общаго свѣдѣнія, что при означенномъ училищѣ съ 1-го іюля открывается седьмой дополнительный классъ съ двумя отдѣленіями: горнозаводскимъ и сельско-хозяйственнымъ. Задача горнозаводскаго отдѣленія—приготовленіе штейгеровъ и лаборантовъ для горныхъ заводовъ; задача сельско-хозяйственнаго—приготовленіе практическихъ сельскихъ хозяевъ, управляющихъ имѣніями и агрономическихъ смотрителей. Молодые люди, желающіе посвятить себя изученію той или другой спеціальности и имѣющіе аттестаты объ окончаніи курса 6-ти классовъ реальныхъ училищъ, принимаются въ VII классъ съ обязательствомъ сдать къ 1-му октября экзаменъ по общей металлургіи (на горнозаводскомъ) или общему земледѣлію (на сельско-хозяйственномъ отдѣленіи). Желательно, чтобы вновь поступающіе ученики пріѣзжали въ половинѣ іюня, дабы втеченіе лѣта успѣть подготовиться по двумъ вышеозначеннымъ предметамъ и заняться практическими работами на фермѣ или въ химической лабораторіи. Плата за право ученія 15 р. въ годъ. Содержаніе въ городѣ Красноуфимскѣ обходится ученикамъ отъ 10 до 15 р. въ мѣсяцъ.

— Совѣтъ Петровской земледѣльческой академіи объявляетъ, что въ текущемъ 1886 году могутъ быть приняты въ число слу-

дентовъ 1-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣла не болѣе 75 человекъ; лѣсной же отдѣлъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 6-й день юнія 1883 года, закрытъ. Прошеніе о приѣмѣ должно быть представлено въ канцелярію академіи не позже 1-го юлія. Въ виду ограниченнаго числа принимаемыхъ въ студенты академіи, приѣма будутъ удостоены только тѣ, которые по аттестатамъ и свидѣтельствамъ среднихъ учебныхъ заведеній окажутся лучшими по прилежанію, успѣхамъ и поведенію. Сравнительной оцѣнкѣ не подвергаются только лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; они прямо и прежде другихъ заносятся въ приѣмный списокъ. Въ заключеніе совѣтъ академіи предупреждаетъ, что число имѣющихся въ академіи стипендій весьма ограничено, и назначаются онѣ только студентамъ высшихъ, но не 1-го курса. Всякій поступающій долженъ имѣть въ виду, что, по зачисленіи его въ студенты, онъ обязанъ немедленно обзавестись установленною форменною одеждою и что для содержанія себя въ академіи студенту необходимо располагать суммою не менѣе 250 р. въ годъ, не считая платы за слушаніе лекцій, которой полагается по 20 р. за каждое полугодіе.

— „Южный Край“ передаетъ, что съ будущаго учебнаго года въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ для студентовъ форма будетъ введена не для одного перваго курса, какъ введено это относительно студентовъ университетовъ и технологическихъ институтовъ, а обязательно для всѣхъ четырехъ курсовъ ветеринарнаго института. Комплектъ для института будетъ опредѣленъ въ 180 человекъ на всѣхъ курсахъ.

— „Ревельская Газета“ сообщаетъ, что съ предстоящаго полугодія въ Дерптскомъ университетѣ будутъ введены правила объ испытаніяхъ, дѣйствующія въ прочихъ университетахъ.

— 5-го мая была годовщина основанія Новороссійскаго университета. „Одесскій Вѣстникъ“ напоминаетъ, какое значеніе имѣетъ университетъ для края, указывая при томъ, что нѣтъ отрасли знанія, по которой бы мѣстный университетъ не далъ представителей, „работающихъ у самой университетской науки“. Технические производства, сельское хозяйство, пресса, педагогическое поприще, — вездѣ есть воспитанники Новороссійскаго университета. Мѣстное городское самоуправленіе, земство—все это питомцы Новороссійскаго университета. Газета выражаетъ пожеланіе, чтобы Новороссійскій университетъ побольше давалъ тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя такъ нужны краю.

— Казанская губернская управа, публикаціей въ мѣстныхъ газетахъ, вызвала на постоянное мѣсто (за вознагражденіе 30 руб. въ мѣсяцъ) лицо, получившее образованіе не ниже средняго. Въ какіе нибудь 2—3 дня въ управу поступило уже 34 прошенія о назначеніи на вакантное мѣсто. Прошенія эти, преимущественно, подавались бывшими студентами университета, а также и окончившими курсъ на медицинскомъ и другихъ факультетахъ. Наплывъ желающихъ получить мѣсто былъ такъ великъ, что управа принуждена была прекратить приѣмъ прошеній. Фактъ грустный и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательный,—замѣчаетъ „Волжскій Вѣстникъ“,—свободныхъ интеллигентныхъ рукъ въ Казани оказалась масса, между тѣмъ какъ въ деревнѣ жалуются на недостатокъ ихъ.

— 20-го мая послѣдуетъ въ Казани открытіе съѣзда представителей земства волжско-камскаго раіона для изысканія мѣръ борьбы съ эпизоотіями. Съѣздъ продлится двѣ недѣли.

— Казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи ходатайствуетъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи открыть осенью археологическую выставку въ Казани.

— Надіяхъ, около станціи Лозовой, по словамъ „Южнаго Края“, проѣзжіе по желѣзной дорогѣ наблюдали очень грустную картину: 70 семействъ переселенцевъ съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, не исключая и грудныхъ, расположились на голой землѣ и мокли подъ дождемъ въ ожиданіи разрѣшенія отъ курско-харьково-азовской желѣзной дороги на удешевленный проѣздъ по ней. Эти переселенцы идутъ изъ Екатеринославской губерніи на сѣверъ, въ Енисейскую губернію, гдѣ для нихъ приобрѣтена уже земля. Жалкій видъ этихъ бѣдняковъ, несчастныхъ дѣтей, завернутыхъ въ тряпки и лохмотья, возбуждали въ пассажирахъ искреннее участіе къ ихъ положенію и многіе давали имъ деньги.

— Съ открытіемъ навигаціи, съ каждыя легкимъ пароходомъ съ верха ежедневно прибываютъ въ Самару толпы чернорабочихъ

изъ сѣверныхъ поволжскихъ губерній въ надеждѣ найти заработокъ при грузкѣ хлѣба или на строящейся линіи самаро-уфимской желѣзной дороги. Грузка хлѣба на баржи перваго каравана уже больше недѣли окончилась, а для втораго каравана грузятся только шесть баржей, поэтому и свои, самарскіе чернорабочіе, сидятъ безъ дѣла и большинство существуютъ нищенствомъ, не имѣя работы, а для пришлаго рабочаго люда, который рассчитывалъ, по прибытіи въ Самару, найти выгодный заработокъ въ грузкѣ, остается или проѣсть послѣднюю одежду, или же прямо обратиться къ общественной благотворительности. На желѣзную дорогу уже рабочихъ больше не требуется. Можно представить себѣ положеніе артелей чернорабочихъ, очутившихся въ Самарѣ безъ работы, безъ копѣйки денегъ и не имѣющихъ на своихъ плечахъ ничего, кромѣ лохмотьевъ („Сар. Л.“).

— По словамъ „Одесскаго Вѣстника“, существующее въ городѣ Елисаветградѣ еврейское духовно-библейское братство ходатайствуетъ у министра внутреннихъ дѣлъ о дозволѣніи приобрѣсть землю. Свое желаніе братья мотивируютъ тѣмъ, что, по ихъ вѣрованію, только физическій производительный трудъ долженъ кормить человека. Хотя трудъ ремесленника тоже производительный, но такъ какъ послѣднихъ и безъ того много въ городахъ, такъ что присоединеніе новыхъ элементовъ увеличило бы и безъ того значительное число городского пролетаріата, то братья считаютъ необходимымъ заняться земледѣліемъ. Они просятъ разрѣшить имъ приобрѣсть въ чертѣ еврейской осѣдлости землю на собственные средства. Они не просятъ никакихъ льготъ, привилегій, но ходатайствуютъ о дозволѣніи считать ихъ крестьянскимъ обществомъ. Землю они хотятъ приобрѣсть на правахъ общинныхъ.

— Въ Одессѣ установился обычай на Пасху устраивать раздачу бѣднымъ людемъ дароваго угощенія. Для одинокихъ устраиваются обѣды, а семейнымъ людемъ выдается куличи, пасхи, яйца, мясо и другія принадлежности розговинъ. Источникъ—частныя пожертвованія. На сколько послѣднія велики, показываетъ итогъ раздачъ въ нынѣшнюю Пасху. Припасами надѣлено 2,753 семейства, численностью въ 9,491 человекъ; сверхъ того, разговѣлось 2,128 бездомныхъ рабочихъ, а втеченіе первыхъ трехъ дней кормилось обѣдомъ отъ 1,170 до 1,524 человекъ. Перенять бы этотъ обычай другимъ городамъ,—замѣчаетъ по поводу этого факта „Недѣля“.

— Недавно вышли отчеты саратовскихъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ: александровскаго, идолгскаго и сининскаго за 1885 годъ. Учрежденія эти какъ видно изъ отчетовъ, приносятъ сельскимъ обществамъ большую пользу. Съ каждыя годъ число членовъ увеличивается, операціи расширяются. Опирирующія довольно значительными капиталами, александровское и идолгское товарищества выстроили прекрасныя школьныя помѣщенія, чѣмъ еще болѣе упрочили за собою общественное значеніе. Расходы на пособіе сельскимъ школамъ производятся каждыя годъ товариществами. Въ нынѣшнемъ году александровское товарищество отчислило изъ прибыли на учебныя пособія своей школѣ 20 р., багаевской 35 р. и широкинкой 10 р.; идолгское товарищество на тотъ же предметъ ассигновало четыремъ школамъ 365 р., даже сининское товарищество, существующее всего два года, при капиталѣ въ 2,864 р. 91 коп., и то нашло возможнымъ субсидировать двѣ школы въ размѣрѣ 26 рублей („Сарат. Днев.“).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПОЧТОВО-ПАССАЖИРСКОЕ ПАРОВОДСТВО
БРАТЪЕВЪ КАМЕНСКИХЪ,
 между Пермью и Нижнимъ Новгородомъ.

ОТПРАВЛЯЮТСЯ:

Изъ Перми.	Изъ Нижняго.
По понедѣльникамъ	По понедѣльникамъ
» вторникамъ	» средамъ
» средамъ	» четвергамъ
» пятницамъ и	» пятницамъ и
» субботамъ.	» воскресеньямъ

По таксѣ за проѣздъ пассажировъ I кл. 13 р.; II кл. 10 р. и III кл. 3 р.; за провозъ багажа по 70 к. съ пуда.